

В петле времени

Автор:

[Лора Кейли](#)

В петле времени

Лора Кейли

Время новых детективов

Убийство, которого на следующий день не было.

Детектив Бенджамин Морис приезжает на очередной вызов. В одном из особняков убита молодая женщина. В саду он находит заколку с вырванной прядью волос. Вернувшись в особняк, Морис обнаруживает, что дом пуст, нет ни трупа, ни коллег. Решив, что все уже ушли, он забирает находку с собой и утром привозит ее в участок.

Но там детектива поднимают на смех, не понимая, о каком убийстве идет речь. Морис уже решает, что сходит с ума, но неожиданно в участок приходит та самая девушка, которую он вчера видел мертвой. Таинственная Саманта Стюарт просит о помощи: всю неделю ей поступают звонки с угрозами, и она боится за свою жизнь.

Киллер Чарли Беккер просыпается и понимает, что заказ не выполнен. Он вынужден идти на убийство снова... Что скрывается за всеми этими загадками? И сможет ли детектив Морис распутать узел, в котором прошлое и настоящее оказываются слишком связаны?

Серия «Время новых детективов» – это серия, включающая в себя новые имена остросюжетной прозы. Молодые авторы с необычными сюжетами и закрученными интригами впервые предстают перед читателем.

«Дебютный роман Лоры Кейли – удачный пример развития детективного жанра. Роман успешно объединил динамичный сюжет с неожиданными поворотами, хороший стиль и интеллектуальные вопросы. «В петле времени» не только

увлекает, но и побуждает задуматься о самых актуальных темах». – Екатерина Храменкова, литературный критик

«Начав читать этот необычный роман, понимаешь, что с каждой страницей события закручиваются со всех сторон все быстрее и быстрее, и ты уже бежишь, несешься за мыслью автора, погружаясь все глубже и глубже в эту историю... Мне понравилось!» – Олеся @lesenka1806, книжный блогер

Лора Кейли

В петле времени

1 глава

К дому Саманты Стюарт инспектор Морис прибыл через десять минут. Всю последнюю неделю он проклинал бумажную волокиту, считая, что детектив должен заниматься настоящим делом, а не переключиванием страниц из папки в папку, из кабинета в кабинет. Не то чтобы он был рад этому вызову, но и не то чтобы не был. И не видел в том никакого кощунства.

Дом Саманты Стюарт, двухэтажный каменный с коричнево-красной крышей и арочными окнами, поддерживался высокими колоннами и ежегодной побелкой. Свет огромной люстры играл меж гранёными каплями, отражаясь множеством лучей на мраморном полу. Комнатные пальмы стояли у высокой лестницы, ведомой бронзовыми перилами на второй этаж. По этой же лестнице поднимался офицер со служебной овчаркой, предлагая ей взять исчезнувший след.

Инспектор Морис прошёл на кухню. Саманта Стюарт сидела за столом, в компании двух следователей, одного криминалиста и хрустальной вазы с апельсинами, что стояла в центре стола. По округлым бёдрам хозяйки дома струился шёлковый халат. Грудь была слегка оголена, а длинные светлые

волосы небрежно спадали на лицо. «Красивая женщина», – подумал инспектор. Всё в ней было красиво, всё, кроме зияющего багрового пятна под грудью.

– Огнестрел, – сказал один из следователей, – гильзу не нашли, пуля разорвалась внутри.

– Огнестрел, – повторил Бенджамин Морис и обошёл сотрудников, не мешая им работать с телом.

Работа же инспектора заключалась в другом – восстановить цепочку последних событий.

– Предположительное время смерти? – спросил он.

– Около полудня, – ответил следователь.

«Около пяти часов назад», – прикинул инспектор.

Он поднялся на второй этаж. Дверь в спальню была открыта. Морис вошёл. Кровать аккуратно заправлена, стулья на местах, один у стены, другой возле зеркала, никаких следов взлома или борьбы. На туалетном столике стояли разного вида шкатулки: из лакированного дерева, из холодного зелёного камня и просто обшитые кожей. Весь столик был в них.

Морис открыл одну, вторую, третью, их было шесть, и все они были набиты украшениями: жемчугами, золотыми кулонами, красивыми кольцами. В одной из шкатулок была свёрнутая пачка денег, они отпружинили крышку, когда Морис только дотронулся до неё. Инспектор взял одно из колец и присмотрелся к обратной стороне – тысяча восемьсот какой-то год, цифры были стёрты. Так и есть, подумал детектив, все украшения походили на семейные реликвии и стоили немислимых денег, и все они были нетронуты. Если бы преступник искал что-то конкретное, одно кольцо из множества, но нет, следов поиска тоже не было. Морис хорошо чувал былую суетность. Когда кто-то спешил или заметал следы, это всегда ощущалось в воздухе, будто само пространство было спутано.

Впервые инспектор почуял подобное лет десять назад, в спальне своего дома, когда вернулся раньше времени. Эта скомканная нервозность витала в воздухе,

пряталась во взгляде жены, в ворохе наспех заправленной постели. Тогда он никого не нашёл, он и не пытался искать, но и не отрицал очевидного. Так и сейчас очевидно было, что убийца – не вор.

Часто Морису приходилось реанимировать прошлое, расставлять предметы по местам, поступки по мотивам, прослушивать телефонные разговоры, проходить по следам будущей жертвы, до последней её минуты. Он должен был думать как преступник, хотеть того же, понять, почему он того хотел. Инспектор спустился вниз.

– Мы осмотрели сад, – услышал он знакомый голос сержанта, это был Ронни из его отдела, – в саду всё чисто. Скорее всего, убийца вошёл через центральный вход, а жертва сама впустила его.

– Так в саду совсем ничего? – переспросил детектив.

– Проверь сам, Морис.

Ронни не любил таких, как детектив. Слишком педантичен, слишком въедлив и не к месту упрям. Бенджамин всегда был не к месту. Для Ронни всё казалось очевидным, для Мориса же ничего очевидного быть не могло.

Двери во внутренний двор были распахнуты настежь, через кухню виднелся просторный сад с небольшим водоёмом, милым фонтанчиком, ротанговой мебелью и садовыми гномами, засевшими в кустах. Бенджамин Морис пошёл на свет играющего в малиновых клёнах солнца, оно то подсвечивало огневидные листья, то оттеняло их. В саду пахло лилиями и розмарином. Морис и сам был не прочь жить в таком доме, но жил лишь в серой квартире, под такими же серыми соседями, которым, как и ему, никогда не светили ни такой дом, ни фонтан со скульптурами, ни солнце в канадских клёнах.

Инспектор медленно обходил сад. Подошвы его чёрных ботинок осторожно приминали идеальный газон, ступали по мозаичным дорожкам из камня, проходили вдоль полукруглых кустарников и осиротевших белых фигур. Зелёное, белое, зелёное, белое, стеклянное... стеклянное. Морис не сразу заметил стекло, лежавшее в траве, присмотревшись, детектив поднял его. Оказалось, что это заколка (имитация хрусталя с металлической застёжкой), с прядью светлых волос на ней. «Прядь Саманты Стюарт, – подумал Морис, –

внушительная прядь. Такую можно только выдрать силой». Морис попытался восстановить происшедшее. «Сначала он схватил её за волосы, – рассуждал детектив, – она вырывалась, он дёрнул и выдрал заколку вместе с волосами. Преступник выбросил её, а после сам же не смог найти, нелегко найти стекло на траве. Получается, убийца не выстрелил в мирно сидящую женщину, он убил её здесь и приволок на кухню, усадив за стол, придал ей красивую позу, но зачем? На обуви убитой нет травы или земли, её каблуки должны были впиться в землю, должны были принести с собой что-то из сада. Он помыл её обувь, – догадался Морис, – помыл и усадил за стол. Но почему он не оставил её здесь? Труп на траве в саду, чем плохое убийство? Почему не в саду? – Детектив расхаживал из стороны в сторону. – Никто не должен был знать, что убийца зашёл через сад. Через сад можно зайти? Инспектор пробежал по периметру. Невысокий каменный забор огораживал участок. Зайти через сад... У него не было ключей от дома, и ему не открыли бы, а подстроил он всё так, чтобы сузить круг подозреваемых до близких знакомых».

Морис ещё долго ходил по участку. При желании можно было легко перемахнуть через забор, поставить лестницу и перелезть. Да что там лестницу, инспектор встал на цыпочки, будь преступник выше Мориса (что вполне естественно, все знакомые были выше Мориса, даже женщины), то с лёгкостью бы мог перелезть через забор. Инспектор осмотрел заколку, пружина выскочила, прядь убитой Саманты развевалась по ветру. Он накрутил её на пластиковое стекло и стал ощупывать карманы своего плаща. Пакеты для вещдоков Бенджамин всегда носил с собой. Всегда, только не сейчас. Ничего, у Ронни должен быть пакет.

Морис забежал в дом. В доме никого не было. Ни тела, ни следователей, ни Ронни. Только пустота. Дорогая, холодная пустота.

– Ронни, ты здесь? – крикнул Морис.

Из сада повеяло холодом, Морис закрыл витражные двери.

«Как долго я пробыл в саду», – подумал он и посмотрел на часы. Стрелки остановились. Он побил по стеклу, оно треснуло.

– Китайская дешёвка, – буркнул детектив. Он стал рыться по кухонным ящикам и, найдя наконец рулон из пакетов, положил заколку в один из них. Завтра он отдаст вещдок на экспертизу.

2 глава

Морис жил в небольшой квартирке: прихожая, через шаг холодильник и мойка, можно сказать, кухня в прихожей или наоборот. Окно освещало полкомнаты, кухня и была половиной комнаты, в неё буквально врезалась кровать. За окном находилась пожарная лестница. Мимо Мориса часто ходили по лестнице: непонятные люди в широких штанах, понятные женщины в длинных блузках, или то были короткие платья... Морис давно не смотрел на девиц. Ничего хорошего от них он не ждал.

Всё, что он когда-либо имел, отошло его жене и её любовнику. Тот прохиндей работал юристом, они оказались в сговоре. А Бенджи остался в этой квартире, на третьем этаже четырёхэтажного дома времён Великой депрессии, или каких-либо других времён, но застал он немало депрессий. Депрессию несчастного художника, что жил на втором, тот писал картины и разрывал их, писал и разрывал. Морису даже казалось, он писал, чтобы разрывать. Депрессию мадам Аннет, все знали, что она мадам, но никто не видел почему. Скорее всего, она была вдовой, скорее всего, вдова была безутешна, ведь кто бы её ни утешал, больше пары дней не задерживался. Дом застал депрессию великого фотографа. Сеньор Альваро жил над Морисом и всем говорил, что великий, а его фотографии крали, бесстыдно крали и побеждали с ними на выставках. Никто и не спорил с несчастным фотографом, все соглашались с его величием, всем было не до него. Было ещё много других депрессий, они заселялись и выселялись из дома, парочку вынесли ногами вперёд.

Морис позавтракал холодной пиццей и принял чуть тёплый душ. Когда-то у него была своя ванная, в том доме было две ваннные комнаты, сейчас же не было ничего. Морис надел старый костюм, а поверх измятый плащ, нащупал в кармане вчерашний вещдок и вышел на улицу.

Захлопнув дверь престарелого «форда», в котором через раз закрывались замки, Морис поехал в участок. Такие машины перестали выпускать ещё в 98-м, но Морис не переставал в неё верить, да и зарабатывать больше не начинал.

В участке работа кипела. По отделу бегали сотрудники, трезвонили телефоны без устали, сбрасывая и принимая звонки. Секретарша Глория, что всегда

опаздывала с поводом и без, распечатывала уже не первый бланк для капитана. «Позвони ещё раз в правовой отдел», – кричал ей вслед капитан.

«Значит, не раз уже звонила, – подумал Морис, – что за ерунда», – оглядывался он. Офицеры стояли у кофемашины и громко смеялись, травя анекдоты. Двери соседних кабинетов впускали и выпускали людей.

– Эй, Морис, – крикнул из-за стола Ронни, – чего опоздал?

Детектив понял, что проспал. Утром он вроде бы встал в шесть, но и часы его тоже встали, ещё вчера в шесть вечера, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис посмотрел на большие настенные, было без четверти десять.

– Чего застыл? – рассмеялся Ронни.

Морис посмотрел на Ронни, на всех вокруг, вспомнил про вещдок в кармане и пошёл на второй этаж. Что-то странное творилось с инспектором, как-то не так было вокруг.

За стеклянной дверью человек в белом (эксперт лаборатории, высокий, нервный, худой) уже десять минут объяснял что-то Морису:

– Я тебе ещё раз говорю, – настаивал криминалист, тряся пакетиком с заколкой возле носа Мориса, – что никакого дела, никакой Саманты Стюарт у нас нет!

– А я тебе ещё раз говорю, что вчера после шести привезли её тело, – настаивал детектив.

– Вот куда привезли, туда и иди!

Морис забрал заколку и вышел за дверь. Она гроыхнула так, будто дала ему по носу. Его будто выставили, нагло выставили.

«Эти медики вечно сидят на чём-то», – бормотал Морис, спускаясь вниз, как вчера он спускался по мраморной лестнице, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис расстегнул пиджак и верхнюю пуговицу, вытер со лба испарину и вернулся в отдел.

- Эй, Ронни, - подошёл он к сержанту, - мне нужно приобщить заколку к делу.

Ронни посмотрел на заколку в пакете.

- Ну так приобщи.

- Её не принимают в лаборатории. Им нужно дело Саманты Стюарт.

- Кого?

- Саманты Стюарт. Вчера в саду я нашёл заколку с её волосами, убийца зашёл через сад.

- Какой убийца, Бенджи? В каком саду?

- Ты издеваешься, что ли, Ронни? Ты вчера осматривал тело. Саманта Стюарт, двадцать шесть лет, огнестрел.

- Какой огнестрел, какое тело? Вчера мы весь день просидели здесь.

- А чьи это, по-твоему, волосы? - Морис указал на пакет.

- Откуда мне знать, чьи это волосы. Ты совсем уже тронулся?

Ронни смотрел на Мориса как на сумасшедшего. Морис и сам решил, что сходит с ума.

- Дом, двухэтажный с колоннами у поворота на Филдстон-стрит, - не моргая смотрел он на Ронни.

- Так, - протянул сержант. - Я всё понял...

- Да?

– Конечно! Вчера после работы ты пошёл в бар и в дупель напился, а после подцепил какую-то девку, вот с этой самой заколкой, провёл с ней ночь, проспал, а наутро принял её волосы за вещдок. И сегодня в белой горячке припёрся в отдел.

– Там был сад, Ронни, – чуть не плача говорил Морис, – в саду были гномы.

– Гномы?

– Да.

– В саду?

– Да!

– Живые?

– Ты что, издеваешься надо мной? – Морис облокотился на стол.

– Что случилось? – спросил офицер, что потягивал кофе у стойки секретарши.

– У Мориса появилась любовница, – крикнул Ронни. – Сегодня ночью он выдрал ей волосы и сейчас пришёл похвастаться этим.

– Поздравляю, лейтенант! – сказал офицер, приподнимая кофе, как бокал. – Сколько можно оплакивать неудавшийся брак.

– Я не оплакивал...

– И правильно.

– Нашёл чем хвастаться, – покосилась на Мориса секретарша.

– Не завидуй, Глория, – подмигнул ей Ронни.

– Да не было никакой любовницы! – завопил Морис.

– Есть вещи, которых не стоит стыдиться, лейтенант, тем более в вашем-то возрасте...

– Мне сорок пять!

– Серьёзно? А с виду дашь все сорок шесть...

– Всё, с меня хватит! – Морис послал всех к чёртовой матери и пошёл за свой стол.

«Может, и правда ничего не было, – думал он, смотря на заколку, – ни дома, ни убийства, ни сада с гномами».

Он взглянул на часы, они были с трещиной. «Может, приснилось, но откуда вещдок?»

Морис видел всё, и себя, и Ронни, и офис, весь, каким он его помнил, и людей всех, что помнили его. Чьи-то пальцы отбивали разрешение на обыск, всаживая в столешницу клавиши с буквами, чьи-то губы повторяли услышанное в трубке, завершали разговор. Этот день был таким же реальным, как реальным было вчера. Вдруг это всё перед ним закружилось – и отдел, и люди, и их голоса, закружилось и встало, и Морис встал, встал и пошёл к выходу. Как идут с похмелья, нехотя, чуть пошатываясь, с больной головой и шумом в ушах.

– Простите, – донёсся незнакомый голос.

Морис видел пришедшую девушку, Морис слышал незнакомый голос, Морис сходил с ума.

– К кому я могу обратиться за помощью?

Помощь сейчас не помешала бы Морису. Он огляделся по сторонам.

«Интересно, они её тоже видят или её вижу только я...»

– Вы меня слышите? – спросила женщина.

– Я вас слышу, – прошептал инспектор, он будто сейчас проглотил все гласные. Он будто забыл, как дышать. Вдох, вдох, где выдох? А, вот же выдох, ладонью с размаху по потной спине. Ронни треснул ему меж лопаток: «Морис, дай пройти», – и прошёл мимо него, мимо неё, как будто так легко это было – ходить мимо воскресших людей.

Морис взял женщину под локоть, никогда он не брал трупы под локоть, никогда не приглашал присесть.

Он сел за свой стол, она села напротив.

– Глория, принеси, пожалуйста, кофе, – попросил Морис.

– Я не твой личный секретарь, – чуть не ответила Глория, но тут же метнулась за кофе, увидев бумажную бледность его лица.

Морис отпил сладкий кофе, искоса смотря на ту, что смотрела на него.

– Как вас зовут? – еле выговорил он.

– Саманта Стюарт.

Всё опять закружилось, но быстро встало на места.

– Чем я могу вам помочь?

– Уже неделю мне поступают звонки с угрозами. Я не сразу поняла, что это угрозы, – она быстро перебирала ремешок своей сумочки.

– Не поняли?

– Нет, сначала в трубке молчали, а потом заговорили, но голос был будто записан на плёнку или наложен какой-то эффект.

– Что сказали?

– Время пришло.

– Время пришло?

– Да, – губы её задрожали. – Меня могут убить?

– Возможно, – протянул Морис.

Он совершенно не думал о жертве, чего о ней думать, если она уже мертва, он не думал и о поступивших звонках, раньше бы он зацепился за это, раньше, но не сейчас. Сейчас он думал о психологической помощи и о том, как нелепо завершилась его сознательная жизнь. По долгу службы он пару раз говорил с сумасшедшими. Но, к сожалению, не спросил их тогда, поняли ли они, в какой момент спятили. А стоило бы спросить. Если они ни о чём не догадывались и не знали никогда, что разум покидает их, а он знает и вполне себе догадывается, значит, у него не всё так плохо. Может, он и не совсем псих...

Детектив взглянул на Саманту. Ему захотелось ещё раз дотронуться до неё. «Может, она ненастоящая, может, всё ненастоящее», – подумал Морис, но всё же постарался прийти в себя.

Глаза Саманты наполнились страхом, лицо задрожало, волосы то и дело спадали на лоб, мешали, лезли в глаза. Она поправляла их и поправляла, пытаясь собрать, но они всё падали и падали. Саманта открыла объемную сумочку и ушла в неё с головой, долго рылась и что-то искала.

– Что вы ищете? – спросил Морис.

– Я вчера потеряла заколку, – сказала она, – и где я могла её потерять...

«В саду», – чуть не выпалил Морис, но, нащупав заколку в кармане, смолчал.

– Последнюю неделю я никому не открываю дверь, – продолжала покойная, – только доставщикам еды. Я почти не выхожу на улицу, только если во двор, у меня есть свой сад, всё время я провожу там.

«Отличный сад, – хотел было сказать Морис, – и гномы отличные, и клён».

- Вы мне поможете? - взмолилась Саманта.

В глазах её было столько надежды... «Разве могут быть глаза покойника полны надежды, - рассуждал молча Морис, - не могут. Скорее всего, она не мертва. Скорее всего, это даже не её заколка. Может, Ронни был прав...»

- Я сделаю запрос в телефонную компанию, - сказал детектив, постепенно приходя в себя, - мы постараемся вычислить, откуда поступали звонки. Но, скорее всего, не получится.

- Не получится?

- А если и получится, это нам ничего не даст.

- Почему?

- Подобного рода угрозы поступают либо с телефонных уличных будок, либо с заграничных «мёртвых» номеров. Их хозяева не те, кто звонят.

- А узнать, откуда звонили, вы можете?

- Можем, но только в процессе звонка.

Морис и сам не заметил, как быстро он вошёл в колею своей обычной жизни, обычного лейтенанта отдела убийств. Он говорил так чётко и сдержанно, как говорил всегда, как говорил ещё день назад. Его волновала жизнь этой Саманты. Его волновало, кто же преступник. А заколка, да что заколка, пусть она будет как есть, в пакете, в кармане, в непонятном прошлом, когда-нибудь всё непонятное обретает чёткий след. Морис всегда это знал, он и сейчас в это верил.

- Я в дом больше не вернусь, - сказала Саманта.

- Но что прикажете делать?

- Не знаю...

- Вы можете поселиться в гостинице, но охрану я вам дать не смогу.
- А если он выследит меня? Вы можете пожить со мной?
- В гостинице? Нет, мэ, боюсь, это невозможно.
- А я с вами?
- Вы серьёзно? Хотите пожить у меня? Я боюсь, в моей квартире не так много места.
- Мне всё равно, пожалуйста, не бросайте меня.
- Хорошо, до выяснения всех обстоятельств вы можете пожить у меня.
- Правда?
- Правда, - ответил Морис и вышел из-за стола.

Саманта тоже встала.

- Подождите меня у дверей, мне нужно найти ключи.

Морис искал ключи от машины.

- Что потерял? - вернулся Ронни.
- Ключи от машины, - он рылся в столе.
- Ключи?
- Ключи.
- Те, что в руке?

- Те, что... - Морис взглянул на свою руку. - Спасибо, Ронни.

- Ты куда это, Морис?

- Мне нужно проводить девушку, она поживёт у меня.

- Вторая за сутки? Даже я так не могу, - Ронни заржал. Морис сделал вид, что не слышал.

- Только у меня очень маленькая квартира, - подошёл он к Саманте, - и в ней лишь одна кровать.

- Ничего, я буду спать на полу.

Почему-то подумалось Морису, что на полу будет спать именно он.

3 глава

Днём ранее

Чарли Беккер снял дом напротив, напротив дома Саманты Стюарт, он любил Саманту Стюарт, как и каждый порядочный человек обязан любить свою работу. Люби своё дело, сынок, говорил ему отец, и тебе никогда не придётся работать. О да, как он был прав. Отец Чарли держал свиноферму в Техасе. Он разводил свиней, он любил свиней. «Они как люди, - говорил он, умны и прожорливы. Вот только они предчувствуют смерть». Отец по глазам это видел, он закалывал свиней двадцать пять лет.

«Они предчувствовали смерть, - думал Чарли, стоя за занавеской в спальне, наблюдая за домом Саманты Стюарт. - Они предчувствовали смерть, в отличие от людей».

Чарли Беккер сглотнул. «Сейчас бы на ферму», – думал он, глядя в бинокль в окно спальни Саманты Стюарт. Она только встала, она рано встаёт. Запахнула шёлковый халат и завязала его на поясе, она наклонила голову набок и начала расчёсывать волосы, сверху вниз, сверху вниз. Она была его работой уже несколько дней. За всю жизнь у него было много такой работы, он имел дело с людьми, он наблюдал за ними, он убивал их. Чарли любил пистолеты с глушителем, так он не слышал, как убивал, щёлк – и всё, щёлк – и готово.

«Это не грех, – думал Чарли, – ну какой это грех? Это просто работа – делать за других, что они не сумели бы сами, получать хорошие деньги, брать новые заказы и заметать следы». Чарли Беккер любил заметать следы, всё в его работе было чисто, он любил чистоту. Однажды он помыл посуду за убитым, он-то уже не помоеет, а оно завоняет всё. Когда Чарли уходил, всё блестело, после него даже покойники выглядели лучше, чем при жизни. Они же такие суетные, думал Чарли, кто кричит, кто вырывается, кому галстук потом поправь, кому причёску. Причёска же самого Чарли была идеальна, с пробором набок и ровными баками, он и сам был идеальный.

На работу Беккер ходил в костюме, тёмно-синем костюме и белой рубашке. В шкафу его было много таких рубашек, к сожалению не всегда они оставались белыми, но только он сам мог застирывать их, а как не смочь, десять лет практики. Он стирал лучше всякой химчистки. Он не любил химчистки, там задают неловкие вопросы, «от чего это пятно» спрашивают они, а Беккер совсем не любил оправдываться, нужно было что-то придумать, легче постирать самому.

Беккер занавесил окно. Заказчик попросил выждать неделю, подготовить Саманту Стюарт, устроить. Чарли не впервой было устрашать, слово заказчика – закон. Но что больше всего его удивляло, так то, что жертвы не двигались с места. Звонишь им в офис, они запираются в офисе, звонишь домой, они закрывают все двери. Будто когда для него были препятствием двери. Даже свинья выбежит из стойла, если есть куда бежать. Люди тупее свиней. Чарли и сам любил предупреждать своих жертв, всё же воспитанным людям следует предупреждать о приходе заранее, он же не гангстер какой, он серьёзный человек.

Чарли Беккер настолько серьёзный, что его пару раз перекупали гангстеры. Однажды он пришёл на встречу с заказчиком. Его пригласили в офис (высокое здание в центре Манхэттена), на двадцать восьмой этаж. Его пригласили на

встречу с заказчиком, в здание, напичканное камерами и охраной, отслеживающей те камеры. Он прошёл осмотр, они не нашли ничего. Конечно, не нашли. Ничего и не было, пока он проходил узкие коридоры, ничего не было, пока он открывал распашные двери, никакого оружия в его руках, пока он пожимал руку заказчику. Оружие было под кожей его руки. Перед убийством ты не чувствуешь боли, да и Чарли Беккер вообще мало что чувствовал, он вытащил спицу из-под кожи запястья, он всадил её в шею стоящего перед ним. Его перекупили за час до переговоров. Ему заплатили больше. Чарли всегда платили больше, больше, чем кому бы то ни было. Да и хорошо, разве на дело берут «кого бы то ни было»? Кто бы то ни был не может стать хорошим киллером, а Беккер стал хорошим, отличным, он был лучше всех.

Месяц назад ему позвонили. Его вызвали в один из офисов, в один из тех, что теряются в небоскрёбах-муравейниках, который потом и не найдёшь. Часто для встречи с ним снимали офисы, никто не хотел светить дома. Его встретили на пороге охранники, они провели его через металлоискатель, тогда он был чист до самых костей. Человек в костюме поздоровался с ним, развернувшись на кресле. Он был подтянут и загорел, его руки были ухоженнее женских, а зубы блестели, как новый фаянс.

Чарли получил много денег, карту местности, фото жертвы в профиль и анфас. Он вышел из кабинета с высокими окнами и заселился в дом напротив. Напротив дома Саманты Стюарт.

Чарли посмотрел на часы, стрелки показали семь утра, он застегнул верхние пуговицы белой рубашки и вышел подышать. Он любил дышать, он любил то, чего лишал других.

Сонные улицы не спешили просыпаться, они ещё потягивались под ночным покровом, открывая то один, то другой глаз. То одно, то второе окно соседних домов открывало и закрывало жалюзи, то одна, то другая рука высовывалась из дверей, забирая газеты. Нехотя поднимался Филдстон, нехотя впускал в богатые стены новый день. Солнце взошло над домами, сад напротив звенел красным клёном.

Чарли поднял с порога газету и вернулся в дом.

«Новости Филдстона. 26 августа», – прочитал он.

Сегодня был важный день, он бросил газету на стол. Любой рабочий день важный. Беккер засыпал кофе в турку, раз, два, налил воды, поставил на плиту, дождался первых пузырьков, снял. Беккер знал, что Саманта никому не открывала, никому, кроме доставщиков еды.

Чарли прослушивал её телефон на протяжении недели, он слышал её взволнованный голос каждый день. Сегодня он также ждал её звонка. Чарли включил модуль и надел наушники, отпил горячий кофе, снял языком тонкую плёнку кожицы с нёба, и только так понял, что обжёг. Он не почувствовал боли, он ничего не чувствовал, когда был так сосредоточен. Прошло три часа. В наушниках Беккера раздался знакомый голос.

– Ресторан «Джордано», здравствуйте.

– Здравствуйте, я бы хотела заказать фирменный завтрак, ланч и кофе, без сахара, – сказала Саманта Стюарт.

– Назовите адрес, мисс.

– Филдстон-стрит, 82.

– Заказ доставим в течение часа. Всего доброго.

Вчера Беккер заказал ланч в том же ресторане, и сейчас он доставит его сам. Чарли допил кофе до горечи и вышел из-за стола. Он открыл высокий створчатый шкаф и стал перебирать одинаковые пиджаки: первый, второй и неприятно жёлтый. Неприятно жёлтый комбинезон доставщика ресторана «Джордано» выбивался из общей картины, портя всё. Он надел неприятно жёлтый на белоснежную рубашку и посмотрел в напольное зеркало. Чарли любил высокие напольные зеркала, в них был весь он, весь целиком, с головы до пят, а не по частям, по частям можно выносить только трупы, а в зеркало нужно видеть себя во весь рост. Он отряхнул комбинезон от невидимой пыли и подошёл к прикроватной тумбе. На ней лежал рабочий инструмент, он купил его за большие деньги. Нельзя экономить на инструменте, как скрипач не экономит на скрипке, так и он не пожалел денег на оружие. Оно должно быть идеальным, оно должно идеально выполнить свою работу. Чарли взял пистолет и прикрутил к нему глушитель. Он смотрел на оружие, как мать на дитя, любуясь им и поглаживая, он заткнул пистолет за пояс, взял у порога пакет с едой и пошёл на

работу.

Дом Саманты Стюарт находился напротив, Чарли Беккер перешёл дорогу, его твёрдый шаг ступал по мозаичным камням, ведущим прямо к двери. Скоро здесь будет полиция, подумал Беккер, в своей работе ему нравилось всё, особенно переполох после неё, и то, что он был его причиной. Мечущиеся медики, осматривающие территорию полицейские, собаки, ищущие след (они никогда его не найдут), телевизионщики с репортёрами: «Преступник не оставил никаких следов», – скажут они. Беккер ухмыльнётся от слова «преступник» и потешит себя «отсутствием следов». Сейчас он дойдёт до двери и позвонит в неё, он войдёт за порог, закроет дверь и... И вот уже звонок раздался раздражающим резким писком по дому. Шаги приближались к двери, женские каблуки цокали по кафелю. У Беккера был отличный слух. Женская рука открывала верхний замок, нижний замок, дверная цепочка влево-вправо. Вот она.

«Ну, здравствуй, – подумал Беккер, – скоро ты умрёшь».

– Доброе утро, – сказал он.

– Здравствуйте, – сказала она и взяла пакет, – проходите, я дам вам чаевые.

Саманта пошла на кухню за сумочкой. Беккер зашёл и закрыл дверь, на один замок, на второй... Саманта обернулась, Беккер шёл на неё. Ноги её подкосились, она попятилась назад, к дверям сада. Беккер шёл на неё. Она выбежала в сад. Беккер шёл на неё.

– Не волнуйтесь, мисс Стюарт.

Он достал пистолет и прицелился. Саманта бежала по саду, он выстрелил. Осечка. Чарли ошалело посмотрел на пистолет, выстрелил ещё раз – промах. Саманта бежала к забору. Чарли побежал за ней. Ещё немного, и она добежит, ещё немного, и Чарли достанет её, допрыгнет, как рысь до добычи. Беккер добежал, схватил Саманту, она вскрикнула, он закрыл ей рот, она вонзила ему каблук в ногу, он вцепился ей в волосы. Саманта вырывалась в истерике, Чарли не любил женские истерики, он не любил рукопашную, он ненавидел промахиваться. Саманта резко запрокинула голову, ударив его затылком по носу, он дёрнул её сильно за волосы, выдрав клочок волос. Что-то треснуло и упало

на землю, Беккер не понял что, сейчас не до этого, сейчас бы затащить эту стерву в дом. Он потащил её, она впивалась туфлями в землю. Беккер выстрелил ещё раз, Саманта обмякла и повисла на его руках.

Чарли выдохнул. Он ненавидел, когда идёт не по плану, он ненавидел такую возню. Сегодня же он выкинет этот чёртов пистолет, а завтра свернёт шею тому, кто продал его. «Самая лучшая женщина – мёртвая женщина», – подумал он и, взгромоздив Саманту на плечи, занёс в дом.

Чарли посадил уставшую Саманту Стюарт за белый кухонный стол. «Какая она растрёпанная, – подумал он, – и эти грязные туфли, этот грязный пол, повсюду грязь».

4 глава

Впервые за десять лет Бенджамин Морис спал с женщиной. То есть рядом с женщиной, точнее, около кровати, на которой спала она. А он был рядом, на полу, рядом с её рукой, которая то и дело спадала ему на лицо. Как-то ночью рука нащупала его нос и забралась обратно, а потом опять сползла. Бенджамин мог бы убрать руку, но как-то смущался, всё же рука, всё же женская, всё же временно, подумал он. Ничего он так не боялся, как живых женщин, ему было бы спокойнее спать среди мёртвых, где-нибудь в морге или на кладбище, где он только не спал, но никогда ему не было так некомфортно, как сейчас.

Ещё неудобнее было Саманте. Она ворочалась до полуночи. Таких матрасов она сроду не видела, на таких кроватях она никогда не спала. Что-то под нею скрипело и проваливалось. После нескольких часов возни Саманте почудилось, что скрипела уже она сама. Наутро каждый из них проснулся разбитым. Морис посмотрел на разбитые часы, вспомнил, что они не идут, потянулся за пультом и снова посмотрел на циферблат, стрелки показывали семь двадцать, часы шли. Он ещё с минуту смотрел, как секундная обгоняет все остальные, переступая с чёрточки на чёрточку, с цифры на цифру, увеличивая счёт.

Саманта вышла из ванной комнаты.

- Мне нужно заехать домой, забрать кое-какие вещи, - сказала она.

- Который сейчас час? - спросил он.

- Семь двадцать.

- Семь двадцать, - повторил Морис.

- Что-то не так?

- Часы пошли.

- Это плохо?

- Нет, но вчера они остановились...

- У меня здесь даже зубной щётки нет.

- Может, они и не останавливались...

- И пижаму нужно забрать, я привезу сюда пару чемоданов?

- Конечно.

- А кто здесь готовит? - она посмотрела на кухню.

- Я.

- Вы умеете?

- Нет.

- И я не умею.

Они замолчали. Саманта привыкала к мысли, что ей нужно будет жить здесь, а Моррис, что здесь нужно будет жить с ней, и с её чемоданами. «Хорошо, что не с кошками, – подумал Морис, – хорошо, что не с детьми». Он не любил ни кошек, ни детей. Он даже думать не хотел, что в тех чемоданах. А в них, наверное, женские вещи с приторными ароматами, побрякушки, заколочки... Заколочки, вспомнил он. Ах да, успокоился Морис, он же встал этой ночью и спрятал заколку в верхний ящик стола.

– Значит так, вы готовы? – засобирался он.

– К чему?

– Едем к вам за вещами. Точнее, вы за вещами, а я осмотрю дом.

Когда-то, когда Саманта была совсем юной и жила не здесь, за ней ухаживал парнишка с соседней улицы. Каждый вечер он заезжал за Самантой. Они смотрели кино в машине, и целовались в машине, вот в такой вот машине, в которой она сидела сейчас.

– Я и не знала, что их ещё выпускают, – осмотрела она неброскую панель.

– А их и не выпускают, – смутился Морис.

А дальше они и не знали о чём говорить. До дома Саманты доехали за пятнадцать минут. «Хорошо, что быстро, – подумал Морис, – ничего нет хуже тягучей молчаливой неловкости». Она как жвачка, которую тянешь, тянешь, а потом запихиваешь всю эту тягомотину в рот, надеясь выдуть хоть какой-то пузырь. Нужно хоть что-то выдавить из слов, беспорядочных, случайных; пузырь из бессмысленных предложений. Морис не любил пузырей, он не жевал жвачки, он привык говорить чётко по делу, иначе никак.

Дом был всё тот же, белый с колоннами. Морис медленно к нему подходил. Никак он не мог заставить себя зайти за порог. Вот зайдёт он, а там опять она – мёртвая, на белом стуле, в халате из шёлка... Она стояла посреди холла, живая, звала его.

– Вы так и будете стоять на пороге, детектив? – улыбалась Саманта.

Морис переступил.

Однозначно он был здесь тогда, однозначно это не было сном. И он не знал, что бы это всё значило. Его раздражало это незнание, как любое незнание, потому он докапывался до истины быстрее других. Ему нужна была правда, голая, истерзанная, грязная, но правда, и не было ничего важнее неё.

Всё тот же светлый холл, всё те же узоры от спутанных клёнов рисовало солнце на белом полу. Кудрявые, волнистые, они плясали на кафеле, живым театром игривых теней. Саманта открыла витражные двери, запустила запахи летнего сада: сладкие лилии, хвойный розмарин. Плавно, размеренно наполняли они своей душистостью дом, проникая призрачно в стены, в мебель, в каждого, кто был здесь. Разморило и Мориса, ударило в голову, он пошатнулся, но устоял. «Стол, гарнитур, два белых стула. Чего-то здесь не хватает, но чего?»

– Вы хотели осмотреть дом, – напомнила Саманта.

– Я его уже осмотрел, – глядел он на розовые кроны, меж зелёных округлых кустов.

– Осмотрели? Когда?

– Сейчас, я осмотрел сейчас.

– Вам нехорошо?

Вид и без того хилого инспектора Саманте показался ненормально болезненным. Он был так бледен, что, поставь с ним рядом восковую куклу, и та была бы живей. Этот невысокий сутулый человек совсем не походил на детектива. Он походил скорее на учителя рисования или истории, помятого, неуклюжего в этих самых брюках, на таких же подтяжках; он ходил бы по классу, отмеряя шаги, думая и присматриваясь, наблюдая за каждым предметом как за вредным учеником. Каждый предмет мог что-то да значить, каждый мог заговорить. И Морис вроде как прислушивался к ним. Он подошёл к телефонному аппарату, снял трубку и нажал на кнопку последнего вызова. Аппарат испускал гудки, совершая соединение.

«Ресторан «Джордано», служба доставки», – раздалось на том конце провода.

«Извините», – сказал Морис и повесил трубку.

– Последним местом, куда вы звонили, был ресторан?

– Да, я заказала еду на дом.

– А потом пошли в полицию?

– Да.

– А почему не позвонили?

– Я боялась, что он узнает, что я позвонила в полицию.

– У вас есть какие-нибудь предположения, мисс? Вы кому-нибудь перешли дорогу, сейчас или когда-то? Подставили, подсыпали стекла в туфли на каком-нибудь из конкурсов красоты?

– Я никогда не участвовала в конкурсах красоты, – Саманта рассмеялась. Красная помада её пухлых губ придавала красивой улыбке ещё больше света.

– Почему вы смеётесь?

– Вы очень забавный, мистер Морис.

– Я забавный? – он покосился на неё с таким прищуром, что она рассмеялась ещё заливистой.

– Простите, я не хотела вас обидеть, я так давно не смеялась, уже год как.

– Я не обижаюсь, мисс, вам идёт смех, я вот не умею смеяться.

– Нет?

- Нет.

- Такого не бывает.

- Бывает, серьёзно вам говорю, я только улыбаюсь, вот так, - инспектор оголил свои редкие коротковатые зубы, Саманта не выдержала и, смеясь, села на лестницу.

- Что? Что такое? - присел он рядом.

- Ничего, - отходила она от смеха - ничего, мистер Морис. Вы так непохожи на всех других.

- На каких других, мисс Стюарт?

- На всех других, на тех, кто был, - она замолчала и продолжила: - Кому-то нужны были мои деньги, вы знаете, я богата.

- Я догадался, мисс.

- Да, это заметно, - она оглядела хрустальные люстры на потолке.

- Кому-то нужна была моя внешность.

- Вы очень красивы, мисс, не стоит осуждать тех, кто заметил это.

- Но никто не замечал ничего другого.

- Я понимаю. Людей привлекает красота, это нормально, моя жена изменила мне с красавцем.

- О господи...

- И это нормально.

- Как вы можете так говорить?

- У меня есть зеркало, мисс, – инспектор скривил лицо в натужной ухмылке, встал со ступеней и пошёл на второй этаж.
- Неправда, – догнала его Саманта. – Вы очень милый.
- Спасибо, мисс, – смутился Морис. – Так вы говорили, что не смеялись уже давно.
- Моего отца не стало год назад, сэр, – сказала она, чуть помолчав.
- Сочувствую. Что-то криминальное?
- Нет, сердечный приступ.
- Мне очень жаль, – Морис замедлил шаг.
- Но я не верю в это, – повернулась она к нему.
- В приступ? Сейчас такое время, мисс. В моём доме за последний год было два сердечных приступа.
- Я понимаю, но мне не дали даже результатов вскрытия, я и не знаю, было ли оно.
- Кто не дал? – остановился инспектор у входа в спальню.
- Его друзья.
- Друзья?
- Да.
- У вашего отца было много друзей?
- Он называл их партнёрами, потом они перестали приходить.

- Они приходили сюда?

- Нет, мы жили в Висконсине, - она запнулась и продолжила: - Папа прервал общение с ними, и мы переехали сюда, а через три года он умер.

- Они поссорились, мисс?

- Я не знаю.

- Вы говорили с отцом о его друзьях?

- Нет, он не разрешал говорить.

- Не разрешал? - не понял Морис.

- Да, он всякий раз прерывал разговор.

- Кто-нибудь осматривал его вещи после смерти?

- Я пыталась что-то найти, но ничего в его кабинете не было.

- Где его кабинет?

- Здесь.

- В доме? - удивился детектив.

- Да. Пройдёмте, это на третьем этаже.

- Здесь есть третий этаж?

- Он дополнительный, только с левого крыла. В одну комнату.

- Что сказал человек, который угрожал вам, мисс, что он сказал вам по телефону?

Саманта остановилась и посмотрела на Мориса.

– Время пришло.

– «Время пришло», это не насторожило вас?

– Я была так испугана, что...

– Я понимаю-понимаю, но воры не говорят «время пришло».

– Да, вы правы.

Она остановилась возле неприметной двери, вдавленной в стену.

– Это здесь, – Саманта открыла дверь и указала на узкую лестницу, ведущую вверх.

«Как я раньше не заметил этой лестницы», – подумал Морис.

Небольшие деревянные ступени осторожно вели за собой. Морис шёл за высокими каблуками лакированных чёрных туфель, они сверкали переливистым глянцем, вознося на себе, как на троне, белые тонкие щиколотки, стройные игривые икры, до середины прикрытые юбкой, будто волной. Справа налево приликала волна, шаг за шагом вниз уходили ступени.

– Вот и кабинет, – сказала Саманта, открывая дверь на третьем этаже, запуская в неё инспектора.

«Вот и кабинет», – осмотрел помещение Морис.

Высокие потолки подпирали массивные балки, они будто держали мансардную крышу, не давая ей упасть. Небольшое окно освещало комнату, письменный стол стоял у окна, над ним нависали книжные полки, книжные шкафы подпирали стены, нагруженные, словно портовые грузчики, книгами до самых верхов. Возле дивана был спрятан камин, скромный камин для такого нескромного дома, он, казалось, был лишним, он, похоже, был тумбой и не более чем.

– Папа не разжигал его, – сказала Саманта, поймав взгляд Мориса, – что-то с дымоходом.

На камине-тумбе стояли: подсвечник в виде трёх слонов, пепельница в виде черепахи, фото Саманты в красивой рамке и стеклянная статуэтка в виде женской фигуры на небольшом постаменте. Морис взял статуэтку и вытер пыль с позолоченного шильда.

– За лучшую женскую роль второго плана, – прочитал он. – Ваш отец тоже был актёром? – вернул он статуэтку на место.

– Нет, что вы, – улыбнулась Саманта, – он юрист, отец занимался какими-то финансовыми делами, бумагами, договорами...

– А награды здесь при чём?

– Папа вёл дела многих известных людей, он защищал их.

Саманта взяла стройную фигурку и стряхнула с неё пыль.

– Когда-то я тоже хотела стать актрисой, – она вытянула статуэтку перед собой и посмотрела ей в лицо, словно бросая вызов, приглашая на бой, будто заранее зная, что проиграет его, – но любое упоминание об актёрстве приводило его в ужас.

Она поставила статуэтку на место.

– Я думаю, вы справились бы, вы очень красивы, мисс.

– Спасибо, но об этом не могло идти и речи. Всех актёров он называл шутами, а актрис беспринципными, – она замялась и покраснела, – беспринципными легкомысленными женщинами. Если можно так сказать.

– Он говорил чуть жёстче? – Морис попытался поймать смущённый взгляд Саманты.

- Да, намного жёстче.
- Понятно. Значит, ваш отец принимал актрис, вёл их дела, но ненавидел их?
- Скорее презирал.
- А они? Как они разговаривали с вашим отцом?
- Уважительно.
- Уважительно? - переспросил Морис.
- Да, - кивнула она.
- Они могли выбрать любого юриста, но выбрали того, кто презирал их, и разговаривали с ним уважительно?
- Может, они не знали, как отец относился к ним?
- Может, и не знали, мисс, вы правы. А что было с личной жизнью вашего отца, как его, простите, мистер... - Морис взял выгоревшую визитку со стола, - Кларк Стюарт.
- Мамы не стало, когда мне не было и двух лет.
- Сочувствую, мисс.
- Мне было хорошо с отцом, он делал всё для меня.
- А, простите, женщины у него были?
- Наверное, были, - задумалась Саманта. - Отец был красив, но я не видела ни одной.
- За всю жизнь? - удивился Морис.

- Да, мы жили только вдвоём.

- А как же актрисы, у него не было связи с кем-то из них?

- Я не знаю, он был очень скрытен в этом плане.

- Дела каких актрис он вёл? - Морис посмотрел на ящик стола, потом на Саманту. - Можно?

- Да, конечно.

Морис открыл его. В ящике было несколько тонких папок с бумагами. Он бегло просматривал всё.

- Так чьи дела он вёл?

- Я не знаю, я сама бы хотела знать... Он никогда не называл имён и пресекал любые разговоры о них.

- Они были у вас дома?

- Нет, ни разу.

- Отец часто не был дома? Где он работал? - Морис перебирал бумаги в папках.

- В основном дома, в Висконсине, но, когда мы переехали сюда, в этот дом, он, как бы вам сказать, вышел на пенсию. И избавился от всех дел.

- Вышел на пенсию? - Морис закрыл очередную папку. - Сколько ему было лет, когда он перестал работать?

- Пятьдесят два.

- Разве это возраст?

- Я знаю... Последние годы он был напряжён...

- Ничего, – он грохнул папки на стол, – здесь одни шаблоны договоров, никаких имён.

- Да, отец ничего не оставил. Он отошёл от дел, избавился от всех документов, а через три года...

- Вы жили здесь с отцом три года?

- Да, сэр.

- А через три года его не стало, и теперь хотят убрать и вас. Кем были его друзья?

- Он называл их компаньонами, – сказала она.

- Они были юристами?

- Не думаю.

- Они были знакомы с актрисами, с которыми он работал? – Морис чувствовал, что здесь что-то не так.

- Да, думаю, да.

- Хорошо, мисс, я разберусь. Вы разрешите, я осмотрю кабинет?

- Конечно.

- У вашего отца не осталось каких-то очень личных вещей? – детектив ещё раз осмотрелся по сторонам.

- Всё, что есть, всё здесь.

- Как его похоронили?

– Его кремировали.

– Так хотел ваш отец?

– Его друзья так сказали, что он так хотел. – Она вздохнула так глубоко, что, казалось, ей не хватало воздуха.

– Вы видели раньше этих друзей?

– Нет, сэр. Они были так вежливы, организовали всё. А я была не в том состоянии...

– Я понимаю, мисс, понимаю.

Морис ещё раз посмотрел на статуэтку.

– Погодите-ка, – он взял её в руки и осмотрел со всех сторон, – а кому была вручена эта статуэтка?

– На ней нет имени, – сказала Саманта, – я уже смотрела. Только год, вот здесь.

– Две тысячи второй, – прочитал Морис, – вы не против, если я возьму её с собой?

– Конечно, сэр. Я хотела собрать свои вещи.

– Да-да, а я ещё раз осмотрю кабинет.

Они вернулись домой только к вечеру, с пятью чемоданами и ворохом ненужных вещей.

5 глава

– Я даже не знаю с чего начать.

– Начните с начала, расскажите о себе.

– О себе, мадам...

– Не волнуйтесь. Мы придём к тем событиям постепенно, – она улыбнулась глубокими морщинками, поправила седую копну пышных волос и удобнее расположилась в кресле.

Я родился в небольшом пригороде. Это ничем не приметное место. Ничем, кроме чистого воздуха, кукурузных полей и заброшенных мельниц. Я не понимал, почему они заброшенные, две из них разобрали по частям, и, кроме основания в пять кирпичей в высоту, уже ничего не осталось. Папа сказал, что их время пришло. У всего своё время, говорил он. Когда-то человек придумал их, чтобы накормить больше людей, потом пришли фабрики, хлебозаводы, и мельницы стали разбирать по кирпичам. Мы часто играли в них, представляя себя в крепости. Мы держали оборону, отстреливались, терпели поражение, были ранены или погибали, каждый раз играли по-разному. Кидали монетку, кто должен погибнуть. Никто не хотел умирать. Каждый мечтал воздвигнуть флаг победы. Мы вырезали его из бумаги, рисовали свой герб, прикрепляли к палке.

После «войны» мы катались на велосипедах. Улицы у нас были почти безлюдные, утром все уезжали на работу, а возвращались только к вечеру. За это время по улице могло проехать пара автомобилей и один фургон с мороженым. Поэтому все дороги были наши. Как и все деревья в лесу. Лес был большой, но мы знали почти каждое дерево. Мы – это я, Конни и Лесли. Нам было по тринадцать. Да, многие наши ровесники уже курили травку и зажимались в углах, а мы играли в войнушку, рисовали карты сокровищ, бежали сквозь лес до бурлящей неровной реки. Может, потому мы и держались вместе, что были такими недорослями. Или другие были переростками. Не знаю. Я так и не понял, когда взрослеет человек. Но тогда, в то лето, мы точно были детьми. Пока добирались до места, объедались лесными орехами, это те, что похожи на грецкие, но чуть уродливее; они зарывались в самую почву, будто прятались, были влажные и тёмные, в их прожилки забивалась земля, после них руки такие же чёрные. Орехи долбили камнями или половинками кирпича, что под руку попадётся, и выковыривали ядро спичками. Само оно в руку не падало, как у покупных, нужно было потрудиться, чтобы достать его, оттого оно казалось ещё вкуснее, будто пропитанное сладкой водой. Местами в лесах из невысоких кустарников выглядывали рыжие лилии, они пахли мёдом и ванилью. Тропинок в лесу было

много, и все они вели к реке. Двести лет назад там стояла деревянная водяная мельница, она добывала электричество. Энергия этой реки подавала электричество на ближайшие фабрики и дома. Но потом, с появлением водяных турбин, снесли и её, построив на том месте мост на другую сторону леса.

У самой реки повесили пару тарзанок, они крепились морским узлом на кривом суку старого дуба. Размотав верёвку, Конни усадил Лесли на доску, привязанную к концу. Пока он делал это, она улыбалась и будто специально отворачивалась, смущённо пряча лицо. И когда у неё появилась эта смущённость? Вчера ещё она была пацанкой, можно сказать, бесполом существом, а сейчас уже кокетничала. Я догадывался, что Лесли нравится Конни, что они вообще нравились друг другу, и потому никогда не лез вперёд. Не выпячивался.

Один раз мы катались на велосипедах, и Лесли упала, не сильно, но до крови кожу на ноге ободрала. Я чуть замедлился, не кинулся сразу, хотя мог. Конни всегда плёлся позади всех, у него были слабые ноги. Я намеренно пропустил его вперёд, он побежал к ней, промыл рану, наклеил пластырь. В тот момент я почувствовал себя священником, ведущим церемонию: а теперь объявляю вас...

Теперь он раскачивал Лесли на длинной плетёной тарзанке. Говорят, её привязал какой-то моряк. Она раскачивалась и скрипела морским узлом по коре векового дуба. Лесли была счастлива. Никто из нас не ждал своей очереди. Я боялся высоты, а Конни... не знаю, чего он боялся, может, выглядеть нелепо. Потом было самое весёлое, Лесли нужно было поймать на берегу. Сама она спрыгнуть боялась, тогда я придерживал верёвку, она была жёсткая и больно обдирала мои неокрепшие ладони, а Конни ловил свою Лесли, он снимал её с этой доски, а она нарочно висла у него на шее. Я точно был третий лишний. Тут она сказала, что не накаталась. «Посади меня ещё раз, я прокачусь, – потребовала Лесли, – один раз, и всё». Конни опять её посадил, у Лесли задиралось розовое платье, на нём были красные вишни, ветер поднимал его, оголяя её длинные тощие ноги и белые трусы. Я старался не глядеть, после того как на меня недвусмысленно посмотрел Конни.

«Всё, лови», – крикнула она. Я опять придерживал верёвку, а Конни опять спускал её, но в этот раз она не сразу спустилась на землю, а задержалась на Конни. Лесли обхватила его ногами, он придерживал её за талию, так они и стояли в лесу, сплетясь ногами, руками, как дубы корнями. Я не знал куда себя деть. Домой вприпрыжку возвращался я один. Они шли медленно, не торопясь. Лесли уже не падала, спотыкаясь об корни деревьев, как было ещё вчера, а Конни

раздвигал перед ней ветки, с чем до сегодняшнего дня она и сама хорошо справлялась. Когда мы вышли к дороге, я сразу побежал к себе, а Конни пошёл провожать Лесли.

Я жил в обычном доме, он ничем не отличался от других обычных домов этого сонного городишки. Все они были как один, для единого слоя общества. Я тогда ещё не знал, что у общества есть слои, но мы были вроде как средним, все мы, все, кто жил в этих домах, одноэтажных с мансардными крышами (что иногда текли), с тонкими дверьми и картонными стенами, которые прошибались ногой.

Я жил в обычной семье. Конни говорил, что у меня хорошие предки. Не знаю, как по мне, так чужие родители всегда кажутся лучше своих. Отец Конни иногда наказывал его, не то чтобы сильно, не то чтобы он мог разойтись, когда сам был полицейским; лёгкие затрещины, унижительные подзатыльники, домашний арест, и всё. Это было незаконно, бить детей, а мистер Реймонд соблюдал закон.

Мои родители не давали затрещин, иногда я завидовал Конни, мне тоже хотелось услышать – иди в свою комнату и подумай над своим поведением. Но никто мне такого не говорил.

В нашем доме была только одна важная комната, где часто пропадала мать, она запиралась в ней и не слышала, как я приходил. Мать сидела в комнате, пока не возвращался отец. Он не любил, когда она была там, они часто ругались по этому поводу. Отец упрекал, мать плакала. Он осторожно упрекал, он вообще был осторожен на любые слова. Как любой хирург. Кому-то осторожно скажешь сдать кровь, кому-то сделать рентген непонятого нароста. Кому-то, что жить осталось не больше года.

Отец сутками пропадал на дежурствах, а если приезжал домой, то засыпал. В местной больнице было мало хирургов, интерны после практики уезжали в город, а мой отец впахивал за двоих. Был ещё один дядька – старик Фил, но он не брал на себя слишком много. На себя всё взвалил мой отец. Я мог не делать уроки, списывать контрольные, я всё это мог, но боялся, потому и учился хорошо. Отец хотел, чтобы я стал врачом. «Нет важнее профессии, – говорил он, – даже в войну ты будешь тем, на кого учился. Когда у других отнимут всё и дадут в руки винтовку, у тебя никто не отнимет скальпель, это единственное оружие, спасающее людей». И он спасал, я сам видел. Иногда, когда мать была совсем плоха, когда она спала целыми днями и не замечала никого, отец брал меня с собой на работу, чтобы я был хоть под каким-то контролем. Он думал, что

это контроль. Я делал уроки в его кабинете, он заполнял больничные листы, а я решал задачи. Потом он уходил в операционную. И говорил: побудь здесь пару часов. Однажды я просидел все шесть. Случилось что-то внеплановое. Пару раз он показывал мне операционную и инструменты, это было куда лучше его кабинета с папками.

Всё было чисто, всё блестело. Чётко лежало на своих местах. «Здесь спасают жизни, сынок, и ты будешь их спасать». Потом мы возвращались домой, а мать всё спала. Отец говорил, у неё хроническая усталость.

Четыре года назад маму увезли в роддом, раньше времени. Живот был не такой большой, а её увезли. Вернулась она вот такой, какой и была сейчас, без живота и без ребёнка. Эту комнату она готовила для него. Всё уже было куплено, мебель расставлена, стены покрашены. Отец предлагал перекрасить стены, сделать кабинет или гостевую комнату, он объяснял, что, выживи младенец, он стал бы инвалидом, и, может, лучше, что так. Но мать не хотела его слушать, она запиралась в той комнате и просиживала там часы. Глаза у неё были вечно заплаканные, других я и не помнил. Люди, не знающие ее, могли подумать, что она аллергик. Больше всего меня раздражали расспросы и вечно сочувствующие взгляды со стороны вечно интересующихся людей. – Как мама? – спрашивала продавец в супермаркете. – Как мама? – спрашивал директор школы. – Как жена, док? – интересовались на заправке у моего отца. – Всё в порядке, – отвечали мы, – всё хорошо, спасибо, – кивал я, – уже лучше, значительно лучше, – говорил отец. Значительно ничего не поменялось, ни через год, ни через три.

Тогда мне казалось, умри я вместо этого младенца, она бы и не заметила. Тогда я был суровым ребёнком, подростки все суровы. Эта мысль «умри я, и что тогда» толкает детей на многое, на дальние походы и проезжающие поезда, в тамбуры кораблей, и на долгие автостопы, чтобы думать, как тебя ищут, чтобы радоваться родительским слезам. Но я им не радовался, я их ненавидел; пару раз я подлавливал мать за углом, пытаюсь напугать гуделкой, бил посуду, пытаюсь разбудить гнев, я долго хотел разбудить её, пока не понял, что она не спит, она тоже там умерла, вместе с тем ребёнком. Поэтому и не замечала меня. Однажды она засмеялась, я подбежал к комнате и стоял под дверью, потом она снова заплакала, это был истеричный смех. По утрам, когда отец собирался на работу, а я торопился на школьный автобус, в углу гудело радио. Новости на сегодня – говорило оно. Сегодняшние новости были такие же, как и вчера, а вчерашние такие же, как во вторник. Всё было таким же. Иногда по сетчатому рупору передавали поздравления: «Нэнси Дэвис поздравляет своего любимого

мужа Стива с днём рождения и желает ему...» всё то же самое. Отец дожёвывал тост, проглатывал кофе, говорил «пора», и мы выходили. Иногда мама выходила проводить нас. Иногда она была почти здорова. Стояла в своём длинном, до пола, платье и смотрела, как мы жуём. Она могла сказать «учись хорошо» и проводить нас до дверей. Это было редко, но было, и каждый раз мы надеялись, что кошмар закончился.

6 глава

В квартире Мориса стало «живенько». Да, именно «живенько», так сказала мадам Аннет, соседка со второго этажа, когда зашла к нему за банкой горошка, в надежде, что у Мориса он был. У Мориса не было горошка, что стало полнейшим разочарованием для мадам.

– Странно, я думала, вы канадец, – сказала она.

Странно, почему она так подумала, удивился детектив.

– Мой муж был канадец, – не уходила мадам, – вы так похожи, – поправила она ляжку бюстгалтера. – Но я уже давно как вдова.

– И я уже давно это понял, – зачем-то сказал Морис, получив от соседки по носу своей же дверью.

В квартире Мориса и правда стало «живенько», её оживляли небольшие подушечки с бахромой. На больших деревянных стульях они смотрелись крайне нелепо. Не лучше эта бахрома смотрелась и на кровати, бахромой накрыли кровать. Большое шёлковое покрывало принесла с собой Саманта. И ещё вазочки, пара нелепых вазочек стояли на подоконнике, в них нельзя было поставить и цветка, но они были для красоты. Вазочки для красоты, без цветов. Морис не понимал этого, как и помпезно-стеклянных стаканов, для зубных щёток, как и набора махровых полотенец с инициалами, вышитыми золотыми нитками, как и многое из того, что привезла с собой Саманта Стюарт в пяти чемоданах, под которыми вчера прогнулся престарелый «Форд».

Морис отправился в участок, оставив Саманту дома, как она сказала, «наводить уют». Куда ещё уютнее, с ужасом представлял себе Морис, что ещё она покроет своей бахромой. Всё это уместно смотрелось в её доме, но не в его халупе.

В её доме он пробыл ещё час, пока она собирала чемоданы. Он перерыл весь кабинет и не нашёл ничего. Морис имел лишь безымянную статуэтку, визитку Кларка Стюарта и его фотографию, он нашёл её на полке между книг. У отца Саманты было много книг, он был грамотным человеком, а грамотных людей убивают только грамотные люди, Морис давно это знал. Правда, был единожды случай, когда верховного судью соседнего штата пристрелили с багетом в руках в небольшой пекарне, шпана пятнадцати лет. Было бы логичней и правильней, если бы судью пристрелили в каком-нибудь парке из проезжающей мимо чёрной машины, какой-нибудь седой наркоторговец, но его убила мелюзга. Но это было единожды, привычнее же, когда непростых людей убивали непростые люди. Морис любил всё привычное, многие дела походили на другие, и потому детективы выходили на заказчиков по одной и той же схеме. Но это дело не походило ни на какое из дел, и от этого у Мориса щекотало где-то в животе. Его всегда щекотало волнение, ещё со школьных времён, давно он его не испытывал, давно он не мог гарантировать ничего.

С утра он успел заехать в отдел, он плохо разбирался в актёрских делах, потому приехал к той, кто разбиралась хорошо. Глория встретила его как обычно, как обычно она встречала всех у своей стойки с недовольным выражением лица.

Покажи мне того, кто доволен, говорила она, и я скажу тебе, кто толкает ему дурь. Обычное утро Глории начиналось в двенадцать, а если оно начиналось в девять, как сейчас, то не жди ничего хорошего. Но Морис знал, что она поможет ему. На заставке её компьютера пять голливудских звёзд сменяли друг друга, он как-то спросил, кто это, и получил такой взгляд презрения, будто не узнал не актёра, а Иисуса Христа. Ему приходилось держать в голове столько нераскрытых дел, уйму фото разыскиваемых преступников, что места на каких-то выдуманных людей просто не оставалось.

Глория пила кофе, когда Морис поставил перед ней статуэтку за лучшую женскую роль второго плана. «Покажи, покажи, покажи», – завопила Глория и уставилась на трофей, как прихожанин на святыню. Она забыла, что пила кофе, подавилась и закашлялась. После того как напиток, что застрял где-то в горле, вошёл-таки в нужное русло, Глория выхватила статуэтку из рук Мориса и стала рассматривать её со всех сторон.

– Ты не знаешь, кому могли вручить такую? – спросил Морис.

– Актрисе, кому же ещё, – посмотрела на него Глория поднятой из-под очков бровью.

«Вот уж помогла», – подумал Морис.

– Но важно узнать какой, – протянула она, переворачивая статуэтку. Внезапно её недовольно-писклявый голос приобрёл тон ни много ни мало сериальной Джессики Флетчер, той седой неугомонной тётки с лицом совы. Да, последний раз Морис смотрел сериалы в восьмидесятих.

– Я знаю, куда тебе нужно, – сказала Глория, ударив ногтями по столу.

Морис выехал из участка, и, к сожалению, не один. Он взял с собой Глорию для своей же безопасности, она обещала подсыпать ему в кофе цианистый калий, если он не возьмёт её. Да и помощь ему бы не помешала. Они покинули Филдстон, проехали под мостом Вашингтона и свернули на Риверсайд-драйв в сторону Манхэттена. Глория держала в руках статуэтку с таким видом, будто она только что сошла со сцены после пламенной речи благодарности родным и близким. Морис не стал нарушать её радости. Он не любил нарушать чьей-либо радости, ведь чаще ему приходилось приносить соболезнования и лезть с допросами к тем, кому он их приносил. А сейчас было что-то вроде мини-отпуска, душевной поездки к самому оживлённому месту на земле.

«Это какой-то муравейник из домов», – подумал Морис, когда впервые приехал сюда, ему казалось, что люди в таких местах не успевали даже за своими мыслями, не говоря уже о жизни и насущных делах. Они строили одни планы, другие до тех пор, пока одни не разрушали другие, и так всю жизнь, пока не выбирались отсюда за город.

– Ты знаешь точный адрес, Глория?

– Нам нужно на Бродвей, к зданию Линкольн Плаза, вон там заворачивай. Морис завернул, как оказалось, не там, но со второй попытки он всё же выехал с кольца на Бродвей. Жёлтые такси сменялись сине-белыми автобусами, высокие дома сменялись низкими, а после ещё более высокими, строительные леса

загораживали все первые этажи зданий.

– Мы приехали, – сказала Глория, – тормози.

Хорошо, что он взял её с собой. Морис оставил машину возле здания. Из-за строительных лесов они еле нашли вход. Профсоюз находился на пятом этаже.

Морис не был уверен, что им здесь помогут, но Глория убедила его, что здесь знают всё о кино, наградах, как кого и, главное, кто награждал. «Это же гильдия киноактёров, – сказала она, – здесь все актёры: президенты и бывшие президенты, и замы, и люди, вот те, что ходят по коридорам, тоже играют в кино». Указала она на неизвестных Морису людей, когда они вышли из лифта на пятом этаже. Морис не знал этих людей, Глория тоже не знала, они были начинающими актёрами, и, может, уже завтра, может, завтра мы увидим их по телевизору, сказала она с придыханием. У Мориса не было никакого придыхания, он вообще не понимал, за что так любят актёров, и кому нужны эти игры, хочешь быть детективом будь им, но играть в него и получать за это деньги...

– Боже, как тут красиво, – запищала Глория, разглядывая вполне себе обычные белые стены с плакатами. Да, всё дело было в плакатах и актёрах на них. Потолок разрывало геометрическими фигурами, ломаными линиями, подсвеченными изнутри, пол также был раскрашен геометрией, как и стойка секретаря. Морис сказал что-то про странный дизайн, Глория сказала, что это постмодерн, а он вообще ничего не понимает.

– Детектив Бенджамин Морис, отдел убийств, полиция Бронкса, – представился он секретарше. Улыбка её быстро съёжилась, а глаза расширились. – Могу я поговорить с вашим директором?

– Конечно-конечно, – сказала она, – сейчас позову, – и убежала звать.

Через пять минут Морис и Глория уже сидели в просторном кабинете директора филиала гильдии. Высокий мужчина уже немалых лет с седыми чуть рыжеватыми волосами рассматривал статуэтку.

– Я думал, подобные награды именные, – прервал длительное молчание Морис.

- Именные, - сказал директор, - и эта тоже была именной.

Морис вскочил со стула.

- Видите, в этом самом месте, - директор стучал по шильдику, - после номинации было вписано имя. Гравировка на таких вещах неглубокая, её затёрли.

Мориса словно током ударило, и как он сразу не заметил этого.

- Такие награды, если я не ошибаюсь, вручали в начале двухтысячных.

- Да, здесь есть год, - указал Морис, - две тысячи второй.

- Значит, я был прав, - улыбнулся директор.

- Это престижная награда?

- Нет, таких безделушек очень много.

- Безделушек, сэр? - переспросил Морис.

- Ну, знаете ли, для нас всё, что не «Оскар» - безделушка, - директор хотел было засмеяться, но понял, что не к месту.

- Любое киносообщество может выдвинуть свои награды.

- Разве? - удивилась Глория.

- Вы думаете, это так сложно? Организовываете экспертный совет из бывших актёров и одного-двух режиссёров прошлого века. Регистрируете организацию, находите спонсоров, создаёте свою премию, вручаете её. Вы знаете, сколько таких премий только в США? Даже журналы присуждают их.

- А эта чья? - Морис прищурился. - Здесь есть какая-то аббревиатура... RSI - что это может значить?

- Если я не ошибаюсь... Подождите-ка, вы позволите, у меня был журнал...

Директор подошёл к высокому шкафу и открыл его, весь он был наполнен доверху: книги, пластинки, награды, фотографии наград, фотографии тех, кто получил награды, в радостном рукопожатии с этим самым директором. Глория уже ёрзала на стуле. Кажется, она узнала всех, кто был на тех фото, но не могла себе позволить потерять лицо детектива, да, она тоже считала себя детективом в данный момент. Она и забыла, что была секретарём, она была напарником Мориса, именно так, или нет, это он был её напарником, ведь кто, как не она, привёл его сюда.

- Вот, - сказал директор, - в этом журнале должен быть список всех премий, от самых значимых до смехотворных. - Он раскрыл его и стал перелистывать одну страницу за другой. - Сейчас поищем.

- Вы знаете, - продолжил директор, - мы поддерживаем не только именитых актёров, но и начинающих, кто знает, кто из них выстрелит. А начинающим можно быть долго, очень долго, и год и два, и двадцать лет. Да-да, актёра могут не замечать двадцать лет, а он может быть не хуже других. Дело везения. И когда ему вручают хоть какую-то премию, это очень окрыляет, не даёт ему упасть духом, понимаете?

- Кто заботится об этом?

- Да тот же агент. Премии такого рода легко можно купить, всё продаётся, - он замолчал на секунду, - всё, кроме нашей гильдии, у нашей гильдии тоже есть своя премия, вы знаете?

- Нет, я ...

- Да, мы знаем, - прервала его Глория, - у вас самая престижная кинопремия, сэр.

- Ну, не престижнее «Оскара», конечно, но... вот же! - он указал на одну из страниц журнала: - Я так и думал, это премия канала RSI.

- Что за канал?

– Он кабельный, их все не упомнишь. Одно время там крутили только сериалы, сериалы и рекламу, сериалы и рекламу, и вот несколько лет назад они создали свою премию, она просуществовала четыре года, с две тысячи первого по четвёртый год. Потом права на канал продали другим акционерам.

– И премию больше не вручали?

– Нет, сэр.

– А как мне узнать, кто получил эту премию в две тысячи втором году?

– У меня есть только список номинантов того года, детектив. Я могу написать вам его.

– Среди них должна быть и эта актриса, – Морис указал на статуэтку.

– Да, думаю, вы с лёгкостью найдёте её.

– Вы знаете каких-нибудь актёров из списка?

Директор качал головой.

– Нет, нет, это совершенно неизвестные мне люди, скорее всего, они так и не... – он остановил свой взгляд, – погодите-ка...

– Что такое, сэр?

– Мэри Гринвич!

– Вы её знаете?

– Да, она часто снимается, она сериальная актриса...

– Где мы можем найти её?

– На киноплощадке? – подпрыгнула Глория.

– Глория, подожди, пожалуйста...

– Да, именно, на киноплощадке. Она сейчас на съёмках. За десять лет Мэри очень выросла как актриса, думаю, она и не вспомнит об этой премии.

– Может, это её награда?

– Вполне возможно, мисс.

– Вы могли бы дать адрес этой площадки?

– Конечно, – директор написал адрес на стикере и протянул его Морису.

– Спасибо, сэр, и ещё одно, – детектив залез в карман плаща, – вы не знаете этого человека, он юрист, и вроде как вёл дела актёров.

– Нет, сэр, первый раз вижу.

Морис пожал директору руку, Глория зачем-то сделала книксен, предвкушая встречу с актёрами, камерами, прожекторами и прочей киношной атрибутикой, она и сама почувствовала себя актрисой, но быстро вспомнила, что она детектив.

Через четверть часа Морис и Глория уже стояли в зрительном зале перед сценой «живого» ситкома. Всю жизнь Морис думал, что за кадром смеются не настоящие голоса, то есть настоящие, но записанные, но с тех пор, как он так думал, прошло немало времени, немало изменений претерпела киноиндустрия. Декорации состояли из нескольких комнат, они крутились на механизме, сменяя друг друга, «вставая» лицом к зрителю. Зрителей было не так много, точнее, мест было не так много, а заполнены они были полностью. Морис не знал, где покупают билеты на такие представления, где покупают билеты в театр, он помнил, но вот на такие сериальные съёмки... «Может, они по знакомству здесь сидят», – подумал он. У Мориса не было таких знакомых, как и тех, кто когда-либо был на таких съёмках.

– Я была на таких съёмках, – сказала Глория.

Тут Морису представилось, что, если бы он сожалел об отсутствии знакомых, бывших на Луне, Глория бы сказала, что была на Луне, что она регулярно там бывает, по субботам. И он навряд ли бы удивился этому. Он вообще уже мало чему удивлялся. С того момента, как увидел труп Саманты Стюарт, точнее, живой труп Саманты Стюарт, точнее, её живую перед собой. С тех пор он был будто в бреду, в логику которого он не хотел вмешиваться, логику которого он решил разгадать потом, позже, когда к тому приведёт время. Когда они найдут убийцу Саманты Стюарт, тогда и правда найдёт его.

– Есть два типа съёмки, – сказала Глория, – с живыми зрителями и без.

– Куда лучше без, – как-то робея, сказал Морис, – без, оно как-то надёжнее, смонтировать можно, наверное.

– Со зрителями лучше, – сказала Глория, и так убедительно, будто была не секретарём в отделе убийств, а секретарём в актёрском отделе. – На зрителях они шутки проверяют, смешно – не смешно, сразу понятно.

– Понятно, – сказал Морис.

– Ничего тебе не понятно, Бенджи, ты как бревно.

– Бревно?

– Ага, вот от чего ты удовольствие получаешь?

– От работы.

– А от женщин, от искусства?

– У меня нет дома искусства. И женщин тоже нет.

– А когда были, получал?

- Не получал.

- Вот я и говорю - бревно. Я бы тоже с тобой развелась. О! Смотри, они будут переснимать.

- Что переснимать?

- Дубль.

- А кто, интересно, из них Мэри Гринвич? Ты не знаешь?

- Я не могу всех знать, - сказала Глория, и как бы сама на него обиделась, что не может всех знать.

- Я вообще никого не знаю, - попытался успокоить её Морис...

- Да ты вообще, - махнула она на него, как на дело гиблое и безнадёжное. - Смотри, скоро последняя сцена.

Актёры отыграли последний дубль. Мужчина с громкоговорителем и листами в руках прокричал «снято». Операторы отъехали от сцены, прожекторы повернулись к зрителям, осветив весь зал. Аплодисменты быстрой волной разошлись по площадке, актёры тоже аплодировали, аплодировали и кланялись тем, кто аплодировал им. Глория была в восторге, Морис был возле охраны, о чём-то договариваясь с мужчинами в чёрной форме. Мужчины посмотрели на значок, показали на одну из актрис и открыли ограждения, Морис жестом подозвал к себе Глорию. Актёры ушли за сцену. Морис с Глорией направились в сторону гримёрок.

- Ты узнал, кто такая эта Мэри Гринвич?

- Да, блондинка в джинсах и зелёном топике.

- О, она мне больше всех понравилась.

- Почему я не удивлён?

Блондинка в зелёном топике стояла возле двери в гримёрную, она говорила о чём-то с другим актёром, с тем, с которым обнималась в последней сцене. «Позвони мне», – крикнул он. Она ответила согласием и открыла дверь.

– Подождите, – догнал её Морис, – нужно поговорить.

– Я не даю сегодня автографов, – сказала она.

– А я и не фанат, – сказал Морис, показав значок. – Детектив Бенджамин Морис, отдел убийств.

– Глория Гарсиа, тоже детектив, – подбежала Глория.

Они зашли в гримёрную, Мэри закрыла дверь.

– Ну, и что вам нужно, – спросила она, снимая топ, не стесняясь никого, – опять нашли кого-то с передозировкой? И при чём тут я?

– Простите, мисс?

– К нам постоянно кто-то приходит, кто-то из вас.

– Из нас, мисс?

– Конечно, узнают, с кем мы снимались сто лет назад, а потом приходят, – она надела свитер, – и допрашивают. А я знаю, где кто был? Я сама по себе.

– Я понимаю, мисс, но, боюсь, нам не обойтись без вашей помощи.

– Естественно, – сказала Мэри.

«Вот ведь стерва», – подумала Глория.

– У нас есть награда, – начала Глория, – лейтенант, покажите актрисе награду. Вот эта статуэтка. Мы знаем, что в две тысячи втором вы могли получить такую, мы знаем, что вы были номинированы. Это вы получили эту награду?

– Я? За роль второго плана? Нет, это не моя награда. – Мэри рассмотрела статуэтку и вернула её обратно Морису. – Я получила статуэтку за главную роль.

– Тогда вы должны знать, кто получил эту статуэтку?

– А сами вы узнать не можете?

– Мы этим и занимаемся, мисс.

– Эту награду получила Эмма Клетчер.

– Эмма Клетчер? Вы общаетесь, вы знаете, где она?

– Не общаемся. Уже восемь лет как.

– А где она живёт или работает?

Мэри Гринвич порылась на туалетном столике, нашла салфетку с отпечатком собственных губ, написала на ней адрес Эммы и отдала Морису.

– Она сейчас дома, мисс?

– Она всегда дома, она всегда на одном месте.

– Спасибо, мисс. А имя Кларк Стюарт вам ни о чём не говорит?

– Ни о чём. Разве я недостаточно помогла вам, детектив?

– Достаточно, мисс.

«Вот ведь тварь высокомерная», – хотела было сказать Глория, но её вовремя увели.

Чарли Беккер слишком долго смотрел в потолок, в белый потолок с жёлтыми разводами. Эти следы были как круги на воде, каждый круг исходил из одной точки, один разрыв водной глади, одно её колебание давало несколько подобных друг другу рисунков.

Слишком долго Чарли всматривался в люстру, стеклянные плафоны, потолочные карнизы, в серые крашенные стены, врезающиеся в них. Он боялся повернуть голову, боялся увидеть комнату, ту же комнату, в которой он был вчера. Вчера, в десять утра он вышел от Саманты Стюарт, вернулся в дом, снял комбинезон, натянул брюки, заправил в них рубашку, надел пиджак, другие пиджаки и рубашки, а также комбинезон сложил в чемодан и уехал на своём «Мерседесе» из города, по Филдстон-роуд. Мимо парков и зелёных аллей, мимо школ и домов, мимо церквей и синагог, по Хенри Хадсон парквей. Пистолет он выбросил в реку у красного маяка. Пересёк мост Вашингтон, добрался до центрального аэропорта, купил билет, прождал два часа и улетел в Сиэтл. В самолёте он принял снотворное и стакан воды из рук молодого стюарда азиатской наружности, он ещё успел услышать: «Приятного полёта, сэр» – и заснул, а после проснулся... Вот здесь. Почему он здесь? Чарли повернул голову: те же стены, то же окно, из которого он вчера наблюдал за домом Саманты Стюарт, и пистолет, чёртов пистолет лежал на тумбе! Он же выбросил его в реку, он избавился от него вчера...

Если оно было – вчера.

Чарли сел на кровать и обхватил больную голову, нещадно стучало в висках. Давило в голове, боль отдавала в затылок.

«Всё понятно, всё приснилось, – подумал он, – никакого убийства не было, ещё не было». Чарли поспешно встал и направился к двери в трусах, никогда раньше он не выходил на улицу в трусах. Надо бы одеться, думал он, стоя у входной двери. Чарли вернулся в спальню, натянул брюки и наспех застегнул рубашку. Он перепутал пуговицы, никогда он ещё не путал пуговицы. Сначала пуговицы, а потом что? Жертвы? Беккер испугался собственной растерянности. Он расстегнул все пуговицы и застегнул их снова, и снова одна осталась не у дел. Чарли скрипнул челюстью или зубами, он и сам не понял, что такое отчаянное скрипело у него во рту, его лицо невольно перекосило, его перекосило

недовольство собой, своей несобранностью, истеричностью, суетливостью. До этого дня он всегда был собран.

«Соберись, Чарли, – сказал он себе, – ты просто плохо спал, это сон, – повторял он, – это сон», – убеждал он себя.

Чарли Беккер никогда не видел снов, даже в детстве, даже в пубертате, когда прыщавым мальчикам снятся девочки, когда они просыпаются утром от боли в паху. Чарли никогда не просыпался от такой боли, ему никогда не снились девочки, ему вообще ничего не снилось.

Беккер вышел на улицу. Да, он всё ещё здесь. Это всё та же улица, тот же дом напротив, белый двухэтажный с колоннами, дом, в котором он был вчера, дом Саманты Стюарт. Он поднял газету с лужайки.

«Новости Филдстона. 26 августа», – прочитал Чарли.

– Новости Филдстона. 26 августа, – повторил он.

– Правильно, правильно, – бормотал Чарли, – сегодня двадцать шестое августа, сегодня день смерти Саманты Стюарт...

Он убьёт её снова. То есть он просто убьёт её, как и должен был.

«Это сон, – повторял Беккер, – просто сон, как люди с ума не сходят, видя сны?»

Беккер зашёл в дом.

Хорошо, что он никогда раньше не видел снов, может, потому он так сосредоточен, может, потому все так рассеяны. «Всё дело в снах, они рассеивают всё вокруг», – думал он. Чарли Беккер взял турку, открыл кофе, насыпал его в турку. Раз, два, три ложки, четыре, да, лучше четыре. Налил воды. Поставил на плиту, кофе закипел. Передержал. Чарли налил почти чёрную жижу в белую фарфоровую кружку, ту самую кружку, из которой пил вчера. Он отпил кофе и обжёг небо. Сильно обжёг. Чарли наглотался воды из-под крана, стало легче. Никогда раньше ему не было больно, ему не было больно, даже когда его ранили в перестрелке на границе с Мексикой, тогда он перевозил тело одного

мафиози через границу. Братья убитого должны были получить наследство, им нужен был труп для оформления смерти у адвоката. Впервые он перевозил того, кого убил. Но это лучше, чем перевозить живых, трупы в багажнике ведут себя спокойнее, живые же очень отвлекают, они зачем-то стучат, как будто кого-то выпускали, когда он стучал. Тупые людишки. «Ничего, – думал он, – ничего, я убью её быстро, без особой возни». Он подошёл к окну и посмотрел в бинокль. Саманта Стюарт уже встала, так же встала, как и вчера, так же наклонила голову и расчёсывала волосы, сверху вниз, сверху вниз. Тот же халат тонкий, шёлковый. «Тот же день», – подумал Чарли. Всё то же. Он надел наушники и сел у аппарата.

– Ресторан «Джордано», здравствуйте, – раздалось через три часа. Через три, как и вчера, через три, как и во сне, – путался ворох мыслей.

– Здравствуйте, я бы хотела заказать фирменный завтрак, ланч и кофе без сахара, – опять сказала Саманта Стюарт.

«Она жива, жива!» – думал он.

– Конечно, жива, – повторил он вслух, – ты же только сегодня прикончишь её.

– Назовите адрес, мисс.

– Филдстон-стрит, 82

– Заказ доставим в течение часа. Всего доброго.

«Всего доброго», – повторил Беккер и подошёл к шкафу, к тому самому шкафу, из которого вчера ровно в 10.10 доставал всю одежду и складывал её в чемодан, вот этот самый чемодан с выдвижной ручкой. Он открыл шкаф. Два чёрных пиджака, три белые рубашки и жёлтый комбинезон с логотипом «Джордано» всё так же висели на вешалках. Он сорвал комбинезон и стал натягивать его на узкие брюки и белую рубашку. «Ничего, – бормотал он под нос, – убил один раз, убью и второй». Беккер защёлкнул лямки на замки и подошёл к пистолету, чёртова пушка, вчера чуть не подвела его, ну ничего, сегодня он пойдёт не с ней.

Беккер взял другой пистолет, проверил обойму, спусковой механизм и заткнул за пояс. Ладони его стали влажными и какими-то красными, они покрылись пятнами, так было, когда он сильно нервничал. Сейчас он возьмёт заказ Саманты Стюарт, тот самый, что стоит у двери, и прикончит её. Он не будет больше возиться с ней, он всадит ей пулю сразу же.

Чарли вышел из дома с пакетом ресторана «Джордано». Перешёл через дорогу и вот уже стоял у дома Саманты Стюарт. Тот же писклявый звонок, те же шаги. «Она будет в шёлковом халате, – подумал он, – и тапочках на каблуке, с дурацким меховым помпоном». Вот таким помпоном, который он видел сейчас, эти ноги, колени, бёдра, грудь, это лицо, это она.

– Здравствуйте, – сказала Саманта.

– Ваш заказ, – вошёл Чарли, оттолкнув её, захлопнув дверь.

Саманта попятилась. Беккер достал пистолет и выстрелил.

Она плавно рухнула на пол. Чарли наклонился над ней. Он потрогал её волнистые волосы, они пахли цветочным мёдом, поднял её бледную руку и не нащупал пульс. Он провёл рукой по её халату, бёдрам... Она существует. Убитая, лежит перед ним. Значит, всё сделано, успокоился Беккер. Всё сделано. Я убил её.

Он поднял обмякшее тело Саманты, и усадил за стол. Пригладил волосы, поправил халат, тот сполз с груди, когда Саманта упала. Чарли осторожно прикрыл ей грудь. Он осмотрел кухню, всё та же кухня, те же стулья, те же стеклянные двери в сад, та же ваза с апельсинами в центре стола.

Чарли взял один апельсин и вышел из дома.

Он судорожно собирал чемодан. Пиджак, ещё один, рубашки... Он чуть не ушёл в комбинезоне, сорвав его с себя и запихнув в чемодан, Беккер вспомнил, что не положил аппаратуру, открыл чемодан, положил модуль устройства и наушники, закрыл чемодан. Всё готово. Чарли вдруг понял, что забыл, где ключи. Ключи от «Мерседеса», сейчас он уедет на нём в аэропорт, выбросит пистолет в реку, сядет в самолёт и улетит из этого города, из этого дня. Где же ключи? Вот они, за апельсином, на подоконнике. Он взял ключи и понюхал апельсин, тот пах как

обычно.

«Интересно, во сне пахнут апельсины?» – подумал Чарли. Он не знал, что бывает во сне, он никогда их не видел, и лучше б не увидел больше. Он вернётся в Вашингтон и пойдёт к психиатру. Он ненавидел докторишек, но теперь решил, что не мешало бы. Беккер поставил апельсин на окно и увидел открытую дверь. Открытую дверь в доме напротив, открытую дверь в доме Саманты Стюарт, как он мог не закрыть её? Звук сирен приближался к дому. Из дверей дома Саманты Стюарт выбежал доставщик «Джордано» встречать полицейские сирены.

Слишком рано обнаружили труп, слишком опасно выходить из дома, но они сейчас осмотрят все дома. Постучат к каждому. «Вы не замечали ничего подозрительного, сэр?» – начнут выпрашивать копы. Тогда он не откроет дверь. Они поймут, что он здесь, по машине и по газете, которой нет у порога.

Две полицейские и одна скорая гудели огнями у дома. Беккер отпрянул от окна. Нет, он выйдет, нужно выйти. Он выйдет и сядет в машину как ни в чём не бывало, он скажет, что опаздывает на деловую встречу, и не соврёт. У него и правда деловая встреча, ему нужно доставить банкира из Сиэтла в Лас-Вегас. В один из подвалов центрального казино. Там у господина встреча, на которой тот совсем не хочет быть, от которой тот уже год как прячется в одном из домов, на одном из побережий Сиэтла.

Чарли Беккер взял чемодан и подошёл к двери. С чемоданом будет подозрительно. Он оставил чемодан, взял лишь оружие. А если они попросят открыть дом? Взял чемодан и вышел за дверь, закрыл дверь. Подошёл к машине, открыл её. Сел, завёл. Сирены полицейских стихли. Они скромно стояли возле, возле дома Саманты Стюарт. Люди в форме ходили вокруг, осматривая территорию. Чарли осторожно тронулся с места. Сейчас он уедет, сейчас он поедет по мосту Вашингтон до аэропорта, а там и Сиэтл.

«Простите, сэр, – услышал он, – вы не могли бы задержаться?»

Высокий человек в форме стоял напротив машины, преграждая путь. Он блестел погонами и наглым взглядом, он подошёл ближе и показал свой значок, как будто и без значка Чарли не понял бы, кто это. Он этих копов и без формы бы узнал, и голышом, по одному только взгляду. Их взгляд говорил: «Именем закона». Я – имя закона, говорил их взгляд. И ты будешь делать то, что я тебе

скажу. Чарли ненавидел копов. Если кто когда и помешает ему, то это будут они.

- Какие-то проблемы, офицер? - спросил Чарли, чуть опустив стекло.

- В этом доме произошло убийство, убита женщина. Вы не были знакомы с ней?

- Нет, я здесь в командировке. По работе.

- Где вы работаете, сэр?

- В строительной компании. Она снимает мне жильё, - глаз Чарли задёргался.

- Это новый комплекс на Филдстон?

- Да, именно он, - глаз задёргался ещё сильнее и начал моргать.

- Что-то не так, сэр?

- Я, - видимо, сейчас задёргался весь Чарли.

- Я могу посмотреть, что у вас в чемодане, сэр?

- Мне открыть чемодан?

- Пожалуйста, сэр.

Чарли подвинул чемодан чуть ближе, он и так был близко, на переднем сиденье, рядом с ним. Чарли расстегнул молнию и открыл крышку.

- Здесь только пиджаки и рубашки, офицер.

- Зачем вам столько рубашек?

- Я люблю ходить в чистом.

– Я вынужден буду сам осмотреть ваш чемодан, сэр. Выйдите, пожалуйста, из машины.

– Конечно, офицер, конечно, каждый обязан делать свою работу.

Чуть слышный хлопок раздался из окна машины Чарли, чуть ниже наклонился офицер, чуть не упал на авто. Чуть не проехался по его ноге Чарли, когда дал по газам.

Чёрный «мерседес» набирал скорость, увеличивал обороты, за спиной его послышались выстрелы и визги колёс, буксующих на старте; сирены опять завизжали на крышах бело-синих авто, они верещали – «именем закона», – они гудели – «мы будем стрелять».

Чарли любил уходить от погони, однажды он уходил от Диего. Чёрный Диего, так звали того парня, он не хотел платить, он не хотел платить за работу, которую сделал Чарли. Так и сказал: аванса будет достаточно. Так и сказал, когда Чарли показал ему фото покойника. Тогда он взял Диего на мушку, он забрал все деньги, что лежали на покерном столе, и прострелил Диего ухо. Тогда он тоже уходил от погони, тогда Диего ушёл раньше, врезавшись в бензовоз. Чарли был на похоронах. Чарли прощал усопших. Мир их праху.

Сейчас и он рисковал быть на месте Диего, он лавировал между машинами, как на гонках «Формулы-1». Он расходился со встречными, подрезал попутные, он перескакивал через тротуары и вылетел в парк. Чарли ехал по газону, он не любил нарушать, он не любил ездить по газонам, тем более стояли таблички «По газонам не ездить», но что было делать? Он не мог умереть, он опаздывал в Сиэтл, он должен быть там. Чарли не мог не сдержать слово, он всегда сдерживал слово, тем более если получал аванс. Он получил хороший аванс за того парня из Сиэтла, он получит в два раза больше, когда привезёт его. Если его не подстрелят полицейские, если они не испортят весь план. Чарли выехал на мост Вашингтон, как хорошо он ехал по нему вчера, вчера он чуть опустил окно, чтобы дышать морским воздухом, сейчас он опустил окно, чтобы отстреливаться. Он проезжал мост Вашингтон и слышал сирены, он как-то странно слышал сирены, они были не только сзади, они мчали навстречу. Он был окружён.

Во втором корпусе Принстонского университета, между кабинетом недавно спятившего профессора Роузи и кладовой комнатой, в которой вечно шумели швабрами и тележками с чистящими средствами, располагался кабинет лауреата стипендии Мак-Артура физика-теоретика Альберта Ланье. На вид профессору Ланье было лет сорок пять, если без пиджака, если же с ним, то все пятьдесят. Постоянный недосып, изматывающие головные боли и работа сразу над двумя проектами не оставили его организму ни малейшего шанса выглядеть хоть как-то прилично. Так, чтобы не вызывать к себе жалости и врачей. Однажды он заснул на автобусной остановке, он не спал трое суток и потому никто из прохожих не мог его разбудить. Ему вызвали скорую, полагая, что у него инфаркт. Позже ему пришлось заплатить штраф за ложный вызов, за то, что он даже не умирал. Больше профессор на остановках не сидел.

В его кабинет выходила вентиляция, большая труба, что, в зависимости от времени года, то засасывала воздух, то выдувала его. От этого шума у мистера Ланье начинало чесаться что-то под кожей. Как будто тысячи мелких опарышей заползли под неё, а он никак не мог вытащить их. Ланье пытался заставить вентиляцию шкафом, но оттого вибрировал шкаф, стучал по полу, по стене, стучал книгами в себе самом, создавая ещё больший шум.

После того как несчастный мистер Роузи, автор трёх научных работ, пяти учебников и более двадцати статей, почётный член отборочной комиссии и всего физического сообщества, пришёл на работу в одних только ботинках и без единого куска ткани на теле, Альберт Ланье надеялся получить его кабинет. Но кабинет достался другому профессору, лишив несчастного Альберта последней надежды на тишину. Поэтому свою научную теорию он обдумывал в лаборатории. А здесь готовился к лекциям. Пять лет назад Ланье стал лауреатом стипендии Мак-Артура, тогда это было отличным поводом для повышения престижа факультета, не очень популярного среди спонсоров. Не многие хотят финансировать физиков, а тех, кто хочет, обычно не интересуется результатом, которого нужно дожидаться годами или не дожидаться вообще. Поэтому лучше всего спонсируются практически изобретения, вроде линз из жидких кристаллов или пластика из биоугля. Что же касалось масштабных проектов по опровержению существующих физических теорий, то они оставались менее востребованы у людей с деньгами, чьей заботой было заработать на своих вложениях если не в этом, то хотя бы в следующем десятилетии.

Последний год мистер Ланье работал над квантовой запутанностью частиц. А параллельно преподавал физику у второго курса. Больше курсов он взять не мог, не брать их совсем не позволяла дирекция университета, а именно декан Сноузи – человек в дорогом костюме, с дорогим одеколоном, с машиной, выброс которой не превышал положенных норм, в общем, со всем тем, что для Альберта было незначимым и смехотворным. Единственной дорогой его вещью был костюм, единственным транспортом – мопед, единственная возможность продолжить работу в университете – вести лекции.

Он привёл в порядок перепутанные листы, растрёпанные волосы, бардак на столе, сгребя его в выдвижной ящик. Собрал все мысли, надел пиджак и вышел из кабинета. Сегодня у него должна быть последняя на этой неделе лекция по всем известной теории Эйнштейна.

Аудитория на третьем этаже была очень душная, такая душная, что мистеру Ланье приходилось расстёгивать верхнюю пуговицу рубашки, чего он делать совсем не любил. Он всегда застёгивался на все пуговицы и закрывался на все замки. Он доедал все сосиски на тарелке, все чипсы в пакете, поливал все цветы в кабинете, а ещё пользовался всем мылом в туалете, их было четыре, над каждым умывальником по одному. Он повторял эти ритуалы каждый день, стараясь делать это незаметно, он заходил в туалет, когда никого не было, иначе этот кто-то мог услышать, как мистер Ланье смывает четыре раза, а руки сушит ровно минуту. Это очень долго, когда все спешат и ждут за твоей спиной, но совсем недолго, когда идёт лекция или студенты пишут зачёт, тогда эта минута проходит молниеносно, тогда всем не хватает последней минуты.

Время движется иначе в разных условиях, в условиях скорости и пространства, это невозможно представить, но легко понять на вычислениях и примерах, которые приводил студентам Ланье. Он знал, что время, окружающее нас, не линейно, что его вообще не существует, оно условность, а любую условность можно обойти. Нельзя обойти лишь данность, ту данность, что одышка подступала к горлу мистера Ланье быстрее, чем он переступал за порог 302-й аудитории. Здесь было очень жарко и очень светло, если брать примеры из жизни, а мистер Ланье только из жизни их и брал, то 302-я аудитория напоминала единственную парилку во всей этой богадельне. Студенты здесь снимали свои толстовки и свитера, пиджаки и кофты, оставаясь в одних только футболках и топах. Ланье не мог ничего снять. Это неподобаает преподавателю – снимать с себя пиджак, не для того он его сюда надевал, чтобы здесь же и снять. Солнце нещадно било в окно, оно будто отгораживало аудиторию от

лектора. Мистер Ланье постоянно щурился, пытаясь разглядеть тех, кто смотрел на него, тех, кто слушал, что он говорил. А говорил он об Эйнштейне.

– О жизни великого учёного мы говорили с вами на прошлых занятиях, – начал Ланье, – множество открытий принадлежало Эйнштейну, но основное из них – это создание теории относительности...

Ланье оглядел аудиторию и продолжил:

– Надо сказать, что теория относительности – это общий термин для двух теорий, общей и специальной. Первой появилась специальная теория относительности, из которой следует, что скорость света будет всегда неизменной относительно любого тела, с какой бы скоростью оно ни двигалось. А время при скоростях, близких к скоростям света, замедляется, а если время замедляется, значит, это может позволить нам чисто теоретически совершать что?

Аудитория молчала.

– Правильно. Совершать путешествие в будущее.

Иногда Ланье казалось, что он говорит сам с собой. Но это был неплохой разговор.

– Так, специальная теория относительности открыла для нас возможность путешествия в будущее. Теперь мы можем контролировать время, а значит, и любое из его течений.

– Значит, чем быстрее будет лететь самолёт, тем медленнее будет идти время?

– Абсолютно верно, – обрадовался Ланье. Он всегда радовался хоть каким-то мыслям студентов, а уж верным тем более.

– Получается, первой машиной времени станет что-то реактивное? Ракета, например?

– Если мы говорим о будущем, то да, – улыбнулся профессор.

– А если о прошлом?

– А вот тут начинается самое интересное. Лурье выдержал паузу, все молчали. Он любил такие паузы, в которые все молчат. Он чувствовал, как управляет всеми, ему казалось, он даже слышал, как шевелятся извилины в этих неподвижных умах. Когда он набирал эту группу, он не думал, что наберётся и десять человек, но пришло гораздо больше. На его лекции записалось двадцать три студента, и пускай двое пришли по ошибке, но даже они сидели сейчас затаив дыхание.

– Так что с прошлым? Мы можем отправиться в прошлое?

– Можем! И об этом нам говорит тот же Эйнштейн, но уже в своей общей теории относительности.

– Он создал её для путешествия в прошлое?

– Отнюдь, он не верил, что такие путешествия возможны. Но, как мы знаем, нет таких законов физики, которые препятствовали бы путешествию во времени. Общая теория относительности подтверждает возможность перемещения в прошлое. Весь вопрос в том, какое это прошлое, наше или нет. Весь вопрос, какая это вселенная. Также Эйнштейн с большим скепсисом относился к такому известному нам всем явлению, как квантовая запутанность частиц.

Ланье посмотрел на аудиторию и понял, что это явление известно было только ему.

– Кто-нибудь знает, что такое квантовая запутанность?

Молчание было исчерпывающим.

– Понятно.

Он стёр всё с доски и начал рисовать.

– В микромире есть такое понятие, как суперпозиция. Что это значит? Это значит, что одна частица может находиться в нескольких местах одновременно. Это если бы взять меня, например, и клонировать. Нам это трудно понять, наш мир и законы в нём очень рациональны. Всё, что нас окружает, подчиняется законам физики, но в микромире (в мире частиц, фотонов и атомов) нет земных законов. Поэтому сложно поверить в то, что даже представить нельзя. Так вот...

Он начертил на доске овал и разделил его пополам.

– Одна частица может разделяться надвое. И это также будет та же самая частица, только в двойном экземпляре. И каждая из них сможет держать связь с другой, потому как они часть от целого. И если одну частицу, к примеру, поместить на огромное расстояние от другой, предположим, в космос, а другую оставить на земле, то обе они будут связаны друг с другом; и, влияя на одну, мы заметим закономерные изменения и в другой. Таковы законы природы на её микроуровне. И это неотъемлемая часть нашей реальности. Эйнштейн же назвал это явление жутким действием на расстоянии.

– Почему жутким?

– Потому что он не находил ему объяснений.

Ланье хотел было сказать ещё что-то, но посмотрел на часы. Ему было жаль уходящего времени. Он не особо любил учить. Единственное, чего он хотел, это вернуться в лабораторию и продолжить работу над экспериментом. Он занимался квантовой запутанностью частиц. Он считал её самым таинственным и даже мистическим явлением во вселенной. Мы часть этого мира, говорил он себе. Да, наш мир, и человек в частности, живёт по иным законам, но должно же быть что-то, что убрало бы эти условности. Эти грани между миром частиц и нашим миром.

Кажется, он долго молчал, так долго, что не заметил, как тишина сменилась шумом, а шум хаосом. Он не услышал звонка. С ним часто такое случалось.

Дом лучшей актрисы второго плана, по версии канала RSI, предполагаемой Эммы Клетчер, находился за городом, куда Морис с Глорией добирались более двух часов на машине и ещё час на пароме. Всё это время Морис выслушивал всевозможные предположения новоиспечённой напарницы о том, кем была эта Эмма, почему награда оказалась в доме умершего Кларка Стюарта и кого в итоге надо подозревать.

По предположению Глории, убийцей могла быть сама Эмма Клетчер, а орудием – эта самая статуэтка. Она была его любовницей, точно любовницей, шептала Глория, будто на пароме да в закрытой машине кто-то мог их услышать. На замечание Мориса, что мистер Стюарт умер от сердечного приступа, Глория тут же ответила, что ему что-то подсыпали в алкоголь. Это был нитроглицерин, шептала она, запей его алкоголем и – здравствуй, инфаркт! Или антидепрессанты, или снотворное, снотворное и алкоголь.

– Куда проще, правда, Бенджи? – не унималась Глория. – Или нет, они вдвоём его убили. Точно! Эмма Клетчер и эта Мэри, как её, ты не помнишь?

– Гринвич.

– Гринвич, точно, вот ведь сучка, да, Бенджи? «Я никогда не играла роли второго плана», – лицо Глории искривилось в пародии, – надменная стерва. Он же вёл их дела, так ведь? Он что-то знал, знал их тёмное прошлое, у всех есть тёмное прошлое, правда, Морис?

– У меня нет.

– Да у тебя вообще ничего нет, ты такой предсказуемый, Бенджи... А у людей есть и тёмное прошлое, и та ещё подноготная. Как ты дела только раскрываешь? Ты же понятия не имеешь, чем люди живут, какие скелеты у них за спиной.

– В шкафу.

– Что?

– Скелеты в шкафу.

– И в шкафу тоже, – согласилась Глория, – ну ничего, – она обняла его руку и погладила как-то жалеючи, – со мной ты не пропадёшь, я помогу тебе.

«Вот счастье-то», – подумал Морис.

– Спасибо, Глория, я очень рад.

Эмма Клетчер жила в двухэтажном небольшом доме. Облицованный синесерыми досками и такого же цвета черепицей, он смотрелся совсем неброско на фоне соседних домов. Ставни на всех окнах были распахнуты, раскрывая белые рамы многостворчатых окон. Такой же белой и многостворчатой была дверь в глубине арочного козырька над крыльцом, поддерживаемого скромными колоннами. Всё это Морис увидел из-за забора, который огораживал и сам дом, и сад перед ним. Перед домом было много деревьев, они склонялись кронами на крыльцо, загораживали пару угловых окон, что было бы очень кстати в жару, подумал Морис, когда-то у него был похожий дом, когда-то он тоже хотел посадить деревья.

Морис очнулся от неприятного звона. Это Глория трезвонила в колокольчик, что висел над калиткой.

– В каком веке они живут? – ворчала Глория. – У людей давно уже видеонаблюдение стоит, а у них – колокольчики.

– Это декоративный, – сказал Морис, позвонив в электрзвонок.

– Полиция Нью-Йорка, – ответила Глория на невнятное шипение в динамике.

Шипения прекратились, и в ту же секунду из дома вышла приятного вида взрослая женщина, в строгом, английского кроя платье, чёрных туфлях-лодочках и с пучком на голове.

Она поздоровалась с гостями и впустила их. Голос её был тихий и учительский, если бы она не жила в Америке, то непременно должна была жить в Англии, работая гувернанткой в какой-нибудь графской семье.

Пока они шли до дома, она молчала, и молчание это показалось Морису не совсем обычным. В доме женщина представилась и предложила им чаю.

– У нас не так много времени, миссис Браун, мы бы хотели поговорить с Эммой Клетчер. Она здесь?

– Конечно, детектив, – покачала головой миссис Браун. – Она сейчас спит.

– Как не вовремя мы пришли, – изобразил почтительную неловкость Морис, – но мы никак не можем уйти, не поговорив с ней.

– Я не могу тревожить её, мистер Морис.

– Может, тогда вы нам поможете? – спросила Глория и повернулась к Морису. – Пока мы болтаем, может, она и проснётся.

– Я? – спросила миссис Браун. – А чем я могу помочь?

– Кем вы приходитеесь Эмме Клетчер? – спросил Морис.

– Я её тётя и работаю здесь, держу дом.

– У вас прекрасный дом, мадам.

– Как неловко стоять у двери. Может, вы всё же пройдёте? – предложила миссис Браун.

– Конечно, мадам.

– Проходите в гостиную, а я принесу вам чай.

– Спасибо мадам, но... – женщина уже скрылась в столовой.

Дом внутри, как и снаружи, был под стать колониальному стилю. Только вот к надёжной архитектуре провинциальных первопроходцев сейчас добавилась и кое-какая роскошь, но не вычурная, скромная. Морис знал, что такие дома

считались богатыми домами, а люди, владеющие ими, – богатыми людьми. Вообще, иметь свою собственность было признаком элитарности. Больше половины населения обитало в съёмных домах.

Глория под села к Морису, он так удобно устроился на диване, что невольно обрадовался гостеприимству мадам. Но Глория была напряжена, она смотрела на Мориса многозначительным взглядом, таким многозначительным, что Морис даже не знал, что бы он мог означать.

– И ты будешь пить её чай? – спросила она сквозь зубы.

– А ты нет? – удивился он.

– Конечно, нет! Она же отравит нас! И закопает у себя в саду.

– По-моему, отличный сад, – улыбнулся Морис.

– Тебе смешно? – она выпучила глаза. – Такие тётки самые странные, Бенджи. Может, она старая клофелинщица?

– Глория...

– Я не буду пить её чай! Может, это она его убила!

– Кларка Стюарта?

– Да! – шёпот её был отрывистым и нервным.

– Она тоже была его любовницей? – улыбнулся Морис.

– Нет!

– Жаль.

– Вон она идёт со своим чаем, ты знаешь, чем пахнет клофелин?

- Знаю. Ничем.

- Замечательно...

Мадам несла чашки на металлически-зеркальном подносе, они дрожали на нём так же тихо, как и руки миссис Браун.

- У вас очень красивый дом, - сказал Морис, пытаюсь помочь.

- Нет-нет, я сама, - сказала мадам, - присаживайтесь к столу.

Они сели за небольшой деревянный стол, что стоял посреди гостиной. Мадам поставила поднос с краю стола и стала расставлять чашки. Когда всё было готово, она тоже присоединилась к гостям.

- Этот дом последнее, что осталось у мисс Клетчер, - сказала она, когда наполнила все чашки.

- Последнее? - удивился Морис и отхлебнул из чашки, несмотря на все подмигивания Глории.

- Да, у нас было три дома.

- Три? - подпрыгнула на стуле Глория.

- Да. Один принадлежал покойному отцу Эммы, другой - моему отцу и, как понимаете, мне, он перешёл мне по наследству...

- Я понял, мадам.

- А третий достался нам от деда. В нём мы сейчас, - она оглядела привычную обстановку и вздохнула. - Это самый скромный дом.

- Скромный, - поперхнулся Морис.

- Да, - улыбнулась она, - может показаться, что мы богаты, но это было очень давно... Наша семья занималась займами.

- Это что-то вроде банка?

- Да, небольшие конторы. Отец Эммы хотел, чтобы она пошла по его стопам, но она грезила сценой. Однажды на неё вышел человек, он подошёл к ней после спектакля и предложил роль в кино.

- Кем был этот человек?

- Он представился как Стефан Нильсон.

- Стефан Нильсон, - Морис достал блокнот и записал, - и что было дальше?

- А дальше она... она почти не появлялась дома, мы жили в разных домах, я жила на другой улице. Один раз она пришла ко мне. Её трясло, она сказала, что теперь нам нужно будет жить вместе, в этом доме, а другие дома выставить на продажу.

- Почему? - удивилась Глория.

- Ей нужны были деньги.

- И вы согласились?

- А что мне было делать? Её всю трясло... Сколько ужаса в глазах...

- Кому она должна была денег, - Морис посмотрел в блокноте, - Стефану Нильсону?

- Нет. Она сказала, что ей нужны были деньги на адвоката.

- На адвоката? Но это баснословные деньги.

– Она сказала, что вляпалась, – миссис Браун еле выдавила из себя столь несвойственное ей слово, – вляпалась в плохую историю.

– В какую историю, мадам?

– Я не знаю. Как только я пыталась поговорить с ней об этом, она впадала в истерику. Я больше не заводила таких разговоров.

– Скажите, а адвоката вы видели?

– Нет, да и где я увижу, я была только дома.

– А как его звали?

– Я не знаю, детектив.

– Хорошо, так вы продали два самых дорогих дома?

– Да, мистер Морис.

– И заселились в этот, что подешевле.

– И тогда всё наладилось? – перебила Глория. – Адвокат выиграл дело?

– Да, вроде бы всё было хорошо, я не знаю.

– А что с актёрской карьерой? – спросила Глория. – Этот человек, – она заглянула в блокнот Мориса, – Стефан Нильсон, он помог ей?

– Да, ей давали роли, небольшие. В сериалах. Но они быстро закрывали их.

– Сериалы?

– Да. Потом ей давали другие роли, она снялась в нескольких клипах. Знаете, те, что под песни.

- Да, мы знаем, миссис.

- Ещё были театральные постановки, но она мечтала о большом кино.

- Так, когда вы продали дома? Когда были судебные разбирательства? До съёмки или после?

- После.

- Так вы не знаете, как звали адвоката? - спросила Глория.

- Нет, - покачала головой миссис Браун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/keyli_lora/v-petle-vremeni

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)